

ПАДАНТИР

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

№79

ИЮЛЬ 2019

В НОМЕРЕ :

Анна Ашарина (Алоэ)	
Домик Утраченной Игры: о домислах и вымыслах	3
Константин Пирожков	
К вопросу о предках Толкина	13
Екатерина Могилева (Tirendyl)	
Культура Кардолана	25
Майкл Мартинез	
Посчитаем эльфов? (Перевод Хельги Липецкого)	31
Дарий Ерастов (Харт)	
Изящное искусство Гондора и его эстетика	47

Обложка и оформление - Моргул.

Palantir®**ПАЛАНТИР****№79 июль 2019****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997-2019 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

*(Доклад, прочитанный на конвенте толкинистики «ВесКон»,
22–24 февраля 2019 г.)*

В тексте доклада приводится множество пространных цитат. Поскольку некоторых читателей могут смутить длинные цитаты на английском языке, то в тексте доклада я привожу все цитаты в переводе на русский язык и даю сноски на английские оригиналы тех же цитат в конце статьи. Все эти переводы на русский язык не мои. Я использовала разные переводы, выбирая их достаточно произвольно. И я хочу выразить благодарность переводчикам Эрендлию, Коту Камышовому, Анариэль, Кэтрин Кинн и нескольким неизвестным мне переводчикам, работами которых я воспользовалась, а также всем причастным к переводам Толкина на русский язык, особенно «ТТТ» и «Elsewhere» и, в частности, Игорю Хазанову.

Домик Утраченной Игры (The Cottage of Lost Play), что также может быть переведено как «Домик проигранной игры», служит, как сказал бы сам Профессор Толкин, «рамой» для самой ранней версии легенд о Средиземье, которые потом составили «Сильмариллион». Легенды в версии «Домика Утраченной Игры» во многом похожи на свои версии в «Квэнта Сильмариллион», но во многом от них и отличаются. Характерным отличием для ранних версий всех этих легенд является их несколько большая простота и сказочность. Эти простота и сказочность отчасти связаны с «рамой», в которой эти истории излагаются.

Многие из основных историй, например легенду о Тинувиэль, рассказывают дети. Другие истории рассказываются для детей (а не только для Эриола) и должны быть адаптированы рассказчиком к восприятию маленьких слушателей. Так или иначе, рама влияет на картину, которая создается внутри неё, и в итоге картина перерастает раму...

Но сейчас мне хотелось бы поговорить о раме, созданной рукой мастера.

Итак, что такое Домик Утраченной Игры? И, кстати, что такое Утраченная Игра, которая, несомненно, является важной вещью для всех обитателей этого дома, а, возможно, и

для всех жителей Одинокого острова? О чем, собственно, речь?

Итак, пришелец Эриол, уже много дней странствующий по Одинокому острову, подходит к маленькому дому:

Окошки были уютно задернуты занавесками, но в щёлки сочился такой ласковый, домашний свет, словно то был счастливейший дом на земле. И тогда всей душой возжелал странник тепла и дружбы, и жажда странствий угасла в нём (1).

Вот только дом этот очень странный... Причём то, что дом странный, кажется даже Эриолу, который уже неоднократно ночевал на Одиноком острове.

Во-первых, чтобы войти в этот дом, надо уменьшиться:

Мал этот дом, но живущие в нём и того меньше – ведь войти сюда может лишь малыш, либо тот, кто по своей охоте станет маленьким, ступив на порог (2).

Во-вторых, обитают в этом доме «Линдо и Вайре, которые построили этот дом много лет назад, «а с ними их родичи, друзья, и множество детей» (3). Что это за дети, чьи это дети и почему они живут в доме Линдо и Вайре, нам неизвестно.

Зато кое-что известно про сам дом и его историю:

То была Хижина детей, или Игр во сне – а не Утраченной Игры, как говорят иные несведущие, – тогда ни одна игра ещё не была утрачена; только ныне и здесь, увы, существует Домик Утраченной Игры.

Те, первые дети, что приходили туда, были детьми праотцев людей, и эльфы, движимые жалостью, провожали детей, чтобы они не заблудились и не забрели в Кор (4).

Дети людей попадают туда по тропе снов:

Для детей то был самый радостный час – чаще всего именно тогда по дороге, называемой Олорэ Маллэ, Тропа снов, приходил к ним новый друг (5).

Дети редко заходили в хижину – они резвились все больше в саду: собирали цветы и гонялись за золотыми жуками и узорчатыми бабочками, которыми эльдар населили сад, на радость малышам. И многие из тех, кто встретился и подружился в том саду, повстречались потом в землях Людей и полюбили друг друга; но об этом, наверно, люди знают больше моего. Но, как я уже говорила, были там и такие, кто услышал вдали флейты солосимпи, или, выйдя за ограду, уловил напевы телелли на холмах, и даже такие, кто побывал на Коре и вернулся обратно – и души тех детей были исполнены радостного изумления. Это из их

бессвязных рассказов и обрывков слышанных ими песен слагались чудные легенды, что, должно быть, и поныне дивят людей, ибо те дети становились великими поэтами Широких земель (6).

Есть еще одно описание Домика, которое можно отнести к личной мифологии Толкина. Это – стихотворение «Ты и я и Домик Утраченной Игры»:

Мы там бывали – ты и я –
В иные времена:
Дитя, чьи локоны светлы,
Дитя, чья прядь темна.
Тропа ли грез манила нас
От очага в метель,
Иль в летний сумеречный час,
Когда последний отблеск гас,
И стлали нам постель, –
Но ты и я встречались там,
Пройдя Дорогой Сна:
Темна волна твоих кудрей,
Мои – светлее льна.
[...]
Не схож ни с ночью и ни с днем
Лучистый сумрак той поры,
Когда открылся взгляду Дом
Утраченной Игры (7).

И тут возникает мысль, что где-то мы это уже видели... а именно – когда читали о путешествии Роверандома на Тёмную сторону Луны:

Внизу раскинулось множество длинных–предлинных лужаек с фонтанами, и повсюду были видны дети. Одни танцевали, словно в полудреме, другие блуждали, как лунатики, разговаривая сами с собой. Некоторые пробуждались от глубокого сна, иные уже совсем проснулись и бегали, смеясь, толкались, собирали букеты, строили беседки, ловили бабочек, перекидывались мячами, карабкались на деревья... И все они пели.

– Откуда они здесь? – спросил Роверандом, озадаченный и очарованный.

– Из дому, конечно, из постели, – сказал Человек.

– Но как они сюда попали?

– А вот этого тебе никогда не узнать. Тебе крупно повезло – как и любому, кому посчастливилось здесь очутиться, каким бы путем он сюда ни попал. Но дети попадают сюда совсем не так, как ты. Некоторые из них бывают здесь часто,

другие редко (8).

Любопытно, что здесь герой тоже встречает кого-то, кто ему дорог и ещё будет дорог в будущей жизни:

Роверандом, предоставленный сам себе, только-только направился к чудесному желтому мячику («Ну совсем, как мой, у меня дома...») – подумал он), как вдруг услышал голос, который, несомненно, был ему хорошо знаком.

– Это же моя собачка! – произнес голос. – Моя маленькая собачка! Я всегда знал, что она настоящая. Кто бы мог подумать, что она здесь! А я–то все искал и искал ее на берегу, и звал ее, и вспоминал каждый день!

Как только Роверандом услышал этот голос, он сел на задние лапы и начал «просить».

– Моя «просящая» собачка! – сказал мальчик (ну конечно же, это был он!), подбежал и погладил пса по спине. – Ты куда пропал?

[...]

А мальчик хохотал и... вдруг исчез, совершенно неожиданно, бросив Роверандома на лужайке одного!

– Он проснулся, вот и всё, – сказал Человек–на–Луне, внезапно появившись.

– Отправился домой, и как раз вовремя. О! У него до завтрака всего четверть часа. Сегодня утром он пропустит прогулку на пляже. Ну, что ж! Боюсь, нам тоже пора... (9).

«Книга Утраченных сказаний» записывается в 1916–1917 годах, но ее замысел уже существует к 1915 году; приведённый вариант стихотворения датируется 27–28 апреля 1915 года.

«Роверандом» написан летом 1925 года. К 1925 году Дж. Р.Р. Толкин уже очевидно (если верить Кристоферу Толкину) отказался от «Домика Утраченной Игры» как обрамления или рамы легенд «Сильмариллиона». Профессор Толкин ещё пытается и будет пытаться переработать историю Эриола и Одинокого острова, хотя это отдельный разговор (или даже два отдельных разговора), но тема Домика Утраченной Игры из основного легендарiums исчезает. А вот идея осталась, и была использована при написании «Роверандома».

А теперь вернемся в Домик Утраченной Игры. И я бы хотела обратить внимание ещё на некоторые детали:

Этот напиток называется лимпе, и его пьют все эльдар, молодые и старые – он наполняет сердца наши юностью, и уста наши – песнями; но я не вправе дать его тебе... (10)

Это – звук Томбо, Гонга Детей, что находится за пределами Зала Вновь Обретённой Игры; гонг звонит единожды, призывая сюда детей в час трапезы,

для еды и питья, и трижды – призывая в Комнату Пылающего Очага, когда наступает время рассказов (11).

И вот что говорит одна из девочек-обитательниц Домика, перед тем как начать рассказывать другим детям и Эриолу предание о Тинувиэль:

–Тише, Аусир, – молвила Вэаннэ, – ибо моя это повесть, и сама я хочу рассказать её Эриолу. Разве не видела я своими глазами Гвэндэлинг и Тинувиэль, странствуя Путём Снов в далеком прошлом? (12)

И тут возникает ещё один интересный вопрос: а сколько, собственно, лет детям-рассказчикам? Например, один из них, Эльтас, говорит: «Однако ныне поделюсь я с вами правдивой слёзной повестью, которую услышал я много прежде, нежели ступил на Олорэ Маллэ, – а случилось то до падения Гондолина» (13).

То, что дети, обитающие в Домике Утраченной Игры, путешествуют по Олорэ Маллэ – Тропе Снов, – мы уже знаем. Но кто они такие?

Если ранее Домик Утраченной Игры, расположенный в Валиноре, посещали только дети людей, то к моменту прихода Эриола в Домике обитают и дети людей, «которые остались среди эльдар навеки» (14), и сами эльдар.

И ещё немного о Домике Утраченной Игры, помимо того, что при входе в него надо уменьшиться и в нём обитает много очень странных существ, многие из которых очень стары (как, например, Малое Сердечко, сын Бронвега), а многие из которых, очевидно, родились очень давно, как Эльтас, но выглядят как дети:

Теперь увидел Эриол, что находятся они в недлинном, широком переходе, стены которого до середины увешаны гобеленами; на гобеленах изображены были многие сюжеты, но в ту пору Эриол не знал, что означают они. Над гобеленами, как показалось ему, висели картины, однако в полумраке Эриол не мог разглядеть в точности, ибо те, что несли свечи, держались позади, а впереди единственный источник света находился за открытою дверью: алый отблеск, словно от яркого пламени, играл на полу.

- Это Очаг сказок, – объяснила Вайре... (15)

И еще интересный факт, что супругу хозяина дома зовут Вайре ☺

А теперь поговорим о возрождении эльфов. В ранней версии мифологии Толкин придерживается мнения, что эльфы, умершие насильственной смертью, рождаются второй раз. Вот что написано о возрождении эльфов в самой «Книге Утраченных сказаний»:

Сюда во времена, что настали после, приходили эльфы из всех народов, кто по злой судьбе погиб от оружия или умер от тоски по тем, кого уже не было с ними – только так могут эльфы умереть, и лишь на время. Здесь Мандос выносил им

приговор, и здесь они ждали, грезя о прошлых своих деяниях, до тех пор, пока в час, назначенный Мандосом, не родятся они среди детей своего народа и не уйдут на землю – петь и смеяться (16).

В «Законах и обычаях эльдар» Толкин всё ещё придерживается этой версии:

Бездомная феа, которая избрала – или которой было дозволено – возвращение к жизни, возвращалась в мир воплощенных через рождение. Только так могла она вернуться. Ибо ясно, что создание телесного жилища для феа и соединение феа с рондо Эру доверил Детям, и достигается это зачатием.

Что же до перерождения, то это не просто мнение, но известно точно. Ибо возрожденная феа становилась вновь воистину ребенком, радуясь всему очарованию и новизне детства, но неспешнее. И только после того, как он обретает знание мира и власть над собой, его память пробуждается – до тех пор, пока возрожденный эльф становился взрослым, он вспоминал всю свою предыдущую жизнь, и жизнь прежнюю, и «ожидание», и новая жизнь становилась одной упорядоченной историей и личностью. Эта память удваивала радость детства, и опыт, и знания более, чем телесный возраст. Так несчастья или горе, которые претерпел в прежней жизни возрожденный, исцелялись и его бытие обогащалось. Ибо Возрожденный дважды взращен, и дважды родители любили его, и у него два воспоминания о радости пробуждения и постижения мира живущих и великолепия Арды. Их жизнь потому подобна году, у которого две весны, и хотя безвременный мороз следует за первой, вторая весна и лето после него прекрасней и благословенней (17).

Позднее в течение какого-то времени Толкин предполагал сосуществование двух вариантов: второго рождения и возвращения к жизни другим способом, т.е. перевоплощения. На время написания «Атрабет Финрод ах Андрет» в 1959–1960 гг. остается только полностью оформленная концепция перевоплощения:

Валар, точнее, Мандосу – глашатаю, а часто и исполнителю повелений Валар – были даны власть и право призывать все бездомные феа эльфов в Аман. Там им предоставляли выбор: остаться бездомными либо (при желании) обрести новый дом, во всем подобный прежнему. Тем не менее, перевоплотившиеся, как правило, должны были оставаться в Аманы (18).

И вот к чему я пытаюсь прийти:

Домик Утраченной Игры, построенный Линдо и Вайре, в ранней мифологии Толкина – один из двух первых прообразов (наряду с пещерами Ве) Залов Намо, в котором обитают Владыка Судеб и его супруга Вайре. В позднейшем варианте образ Линдо полностью исчезает и заменяется только уже существующим в «Книге Утраченных сказаний» образом Мандоса, а вот его супруга Вайре остаётся, и гобелены по-прежнему украшают стены её дома. Дом же этот

мы можем представлять и как пещеры Ве, и как место более приятное.

Обитающие в их доме дети эльдар являются одним из вариантов идеи о существовании эльфов, ожидающих нового рождения.

Игра – Утраченная и Вновь Обретённая – это просто Жизнь.

Возможно, рассказывание историй, которые нам, знакомым с основными, более поздними, версиями толкиновской мифологии, могут показаться примитивными – это способ для детей эльфов, которые ещё ждут своего часа, чтобы родиться заново, начать вспоминать свою утраченную жизнь, пока ещё на самом простом, «детском» уровне. И несомненно, что для детей людей Домик Утраченной Игры и его окрестности – это место, где можно встретить важных существ (людей, собак, но, наверное, не только) из своей будущей жизни и прообраз этой самой будущей жизни.

Понятно, что ни о какой строгости в академическом смысле в данной работе речь идти не может. Все, что я говорю – это пример возможной эволюции идей, причем, в отдельно взятой голове Профессора Толкина. И, вероятно, только один из возможных вариантов этой эволюции. Какого-то доказательства, что «всё было именно так», а также как, что и из чего развивалось в голове у Дж. Р. Р. Толкина, не существует и вряд ли может существовать – по крайней мере, по данному вопросу. Но картина ранней мифологии, которую я сейчас попыталась описать, как мне кажется, складывается интересная.

Примечания

(1) ...a tiny dwelling whose many small windows were curtained snugly, yet only so that a most warm and delicious light, as of hearts content within, looked forth. Then his heart yearned for kind company, and the desire for wayfaring died in him...

(2) Small is the dwelling, but smaller still are they that dwell here – for all who enter must be very small indeed, or of their own good wish become as very little folk even as they stand upon the threshold.

(3) There dwelt within, 'twas said, Lindo and Vairë who had built it many years ago, and with them were no few of their folk and friends and children.

(4) This was the Cottage of the Children, or of the Play of Sleep, and not of Lost Play, as has wrongly been said in song among Men – for no play was lost then, and here alas only and now is the Cottage of Lost Play.

These too were the earliest children – the children of the fathers of the fathers of Men that came there; and for pity the Eldar sought to guide all who came down that lane into the cottage and the garden, lest they strayed into Kôr...

(5) This was a time of joy to the children, for it was mostly at this hour that a new comrade would come down the lane called Olórë Mallë or the Path of Dreams.

(6) Now for the most part the children did not often go into the house, but danced and played in the garden, gathering flowers or chasing the golden bees and butterflies with embroidered wings that the Eldar set within the garden for their joy. And many children have there become comrades, who after met and loved in the lands of Men, but of such things perchance Men know more than I can tell you. Yet some there were who, as I have told, heard the Solosimpi piping afar off, or others who straying again beyond the garden caught a sound of the singing of the Teelli on the hill, and even some who reaching Kôr afterwards returned home, and their minds and hearts were full of wonder. Of the misty aftermemories of these, of their broken tales and snatches of song, came many strange legends that delighted Men for long, and still do, it may be; for of such were the poets of the Great Lands.

(7) You and me – we know that land

And often have been there

In the long old days, old nursery days,

A dark child and a fair.

Was it down the paths of firelight dreams

In winter cold and white,

Or in the blue-spun twilit hours

Of little early tucked-up beds

In drowsy summer night,

That You and I got lost in Sleep

And met each other there –

Your dark hair on your white nightgown,

And mine was tangled fair?

[...]

The air was neither night or day,

But faintly dark with softest light,

When first there glimmered into sight

The Cottage of Lost Play.

(8) Grey fountains were there, and long lawns; and children everywhere, dancing sleepily,

walking dreamily, and talking to themselves. Some stirred as if just waking from deep sleep; some were already running wide awake and laughing: they were digging, gathering flowers, building tents and houses, chasing butterflies, kicking balls, climbing trees; and all were singing.

‘Where do they all come from?’ asked Roverandom, bewildered and delighted.

‘From their homes and beds, of course,’ said the Man.

‘And how do they get here?’

‘That I ain’t going to tell you at all; and you’ll never find out. You are lucky, and so is anyone, to get here by any way at all; but the children don’t come by your way, at any rate. Some come often, and some come seldom, and I make most of the dream.

(9) Roverandom was left to amuse himself, and he was just making for a beautiful yellow ball (‘Just like my own at home,’ he thought) when he heard a voice he knew.

‘There’s my little dog!’ it said. ‘There’s my little dog! I always thought he was real. Fancy him being here, when I’ve looked and looked all over the sands and called and whistled every day for him!’

As soon as Roverandom heard that voice, he sat up and begged. ‘My little begging dog!’ said little boy Two (of course); and he ran up and patted him. ‘Where have you been to?’ But all Roverandom could say at first was: ‘Can you hear what I’m saying?’

...and the little boy was laughing till he — vanished quite suddenly and left Roverandom all alone on the lawn!

‘He’s waked up, that’s all,’ said the Man-in-the-Moon, who suddenly appeared. ‘Gone home, and about time too. Why! it’s only a quarter of an hour before his breakfast time. He’ll miss his walk on the sands this morning. Well, well! I am afraid it’s our time to go, too.’

(10) Now this which we put into our cups is limpë, the drink of the Eldar both young and old, and drinking, our hearts keep youth and our mouths grow full of song, but this drink I may not administer...

(11) That is the voice of Tombo, the Gong of the Children, which stands outside the Hall of Play Regained, and it rings once to summon them to this hall at the times for eating and drinking, and three times to summon them to the Room of the Log Fire for the telling of tales...

(12) ‘Hush thee, Ausir,’ said Vëannë, ‘for it is my tale and I will tell it to Eriol. Did I not see Gwendeling and Tinúviel once with my own eyes when journeying by the Way of Dreams in long past days?’

(13) ...but now I will tell to you the true and lamentable tale, and I knew it long ere I trod Olórë Mallë in the days before the fall of Gondolin...

(14) the children – the remainder of those who found Kôr and remained with the Eldar forever...

(15) Eriol saw now that they were in a short broad corridor whose walls half-way up were arassed; and on those tapestries were many stories pictured whereof he knew not at that time the purport. Above the tapestries it seemed there were paintings, but he could not see for gloom, for the candle-bearers were behind, and before him the only light came from an open door through which poured a red glow as of a big fire.

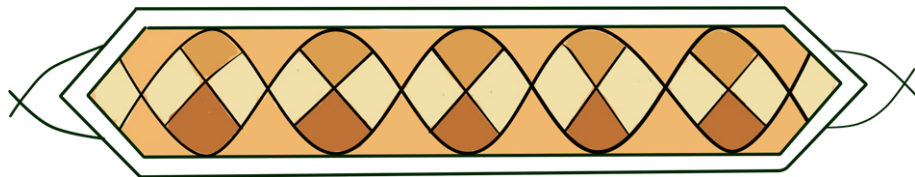
‘That,’ said Vairë, ‘is the Tale-fire...’

(16) Thither in after days fared the Elves of all the clans who were by illhap slain with weapons or did die of grief for those that were slain – and only so might the Eldar die, and then it was only for a while. There Mandos spake their doom, and there they waited in the darkness, dreaming of their past deeds, until such time as he appointed when they might again be born into their children, and go forth to laugh and sing again.

(17) A houseless fëa that chose or was permitted to return to life re-entered the incarnate world through child-birth. Only thus could it return. For it is plain that the provision of a bodily house for a fëa, and the union of fëa with hrondo, was committed by Eru to the Children, to be achieved in the act of begetting.

As for this re-birth, it was not an opinion, but known and certain. For the fëa re-born became a child indeed, enjoying once more all the wonder and newness of childhood; but slowly, and only after it had acquired a knowledge of the world and mastery of itself, its memory would awake; until, when the re-born elf was full-grown, it recalled all its former life, and then the old life, and the ‘waiting’, and the new life became one ordered history and identity. This memory would thus hold a double joy of childhood, and also an experience and knowledge greater than the years of its body. In this way the violence or grief that the re-born had suffered was redressed and its being. For the Re-born are twice nourished, and twice parented, and have two memories of the joy of awaking and discovering the world of living and the splendour of Arda. Their life is, therefore, as if a year had two springs and though an untimely frost followed after the first, the second spring and all the summer after were fairer and more blessed.

(18) The Valar, or Mandos as the mouthpiece of all commands and in many cases their executor, were given power to summon, with full authority, all houseless fëar of Elves to Aman. There they were given the choice to remain houseless, or (if they wished) to be re-housed in the same form and shape as they had had. Normally they must nonetheless remain in Aman.

Вот уже несколько лет польский исследователь Рышард Дерджинский занимается генеалогическими изысканиями, находя ранее неизвестную информацию о предках и других родственниках Толкина. В прошлом году его блог «TOLKNIĘTY» вошёл в шорт-лист Толкиновского общества в номинации «лучший сайт» [31]. Несмотря на то, что результаты его деятельности признаны международными толкиноведами (и частично вошли в третий том «Спутника и путеводителя по Толкину» У. Хэммонда и К. Скалл и в английскую версию «Википедии»), в России они до сих пор сравнительно малоизвестны, прорываясь лишь редкими публикациями в социальных сетях (см., например, [4]). К 45-летию юбилею Дерджинского 20 февраля 2019 г. составителем данной работы была подготовлена его первая краткая русскоязычная биография [10], за что Рышард поблагодарил его в ответном письме. Отдельные сведения были представлены в заочном докладе на «ВесКоне» 2019 г. [7]

Рышард Дерджинский предполагает, что предками Толкинов был саксонский рыцарский род Маркелингереде. Первый его известный представитель, Гирцо фон Маркелингереде (Hirzo von Markelingerode), упоминается в 1231 г. Предположительно, потомком Гирцо был Гельмольд (Helmold) фон Маркелингереде (известен по документам с 1289 по 1320 гг., умер до 1329 г.), у которого было семеро сыновей. Немецкий исследователь Георг Адальберт Мюльверштедт (George Adalbert Müllverstedt, 1825–1914) предположил, что один из них (по мнению Дерджинского – Дитрих, так как это имя встречалось у прусских Маркелингереде) женился на представительнице старопрусской знати из семьи Пербандов. В результате этого гипотетического брака родился **Матиас Толк Маркелингереде (Matthias Tolck von Merchgelyngerode, ок. 1320–1379 гг.)**. На его прозвище следует остановиться подробно.

Нижнепрусское (германское) *tolk* происходит от древнепрусского (балтского) слова **tulk*, родственного русским «толк», «толковать» и т.п., и означает «толмач», «переводчик», «переговорщик», «оратор». Дерджинский ссылается при этом на польский словарь первой

четверти XX в., где **tulk* < праславянское **тълкъ* смысл, перевод, толкование, объяснение [23]. К славянским языкам, в конечном счёте, возводит *tolk* и словарь норвежского языка [33].

Толкину была известна такая версия происхождения его фамилии, но он её не принимал. В письме миссис Э. Р. Эрард 8 марта 1973 г. он выражал недоумение её желанием ассоциировать Tolkien с «TOLK, «переводчик или оратор». Это слово славянского происхождения вошло в литовский (TULKAS), финский (TULKKI) и скандин. языки, со временем распространилось по всей Сев. Германии (лингвистически это — нижненемецкий язык) и, наконец, попало в нидерландский (TOLK). В английский оно так и не вошло» (перевод С. Лихачёвой). В комментарии к изданию писем уточняется, что родственное перечисленным слово *tolk* в английском языке, вопреки мнению Толкина, присутствовало, однако вышло из употребления уже в XV в.

Писатель считал, что Tolkien – это «фамилия немецкая (из Саксонии), представляет собою англизированную форму Tollkiehn, т. е. tollkühn» (письмо в издательство «Хоутон-Миффлин», 1953 г., перевод С. Лихачёвой), и означает «отчаянно храбрый» [9].

Держинский доказывает, что в источнике своей фамилии Толкин ошибался: независимо от её происхождения, она восходит к *tolk*. Что касается второй части фамилии, то по одной версии, немецкий суффикс *-ienen* и т.п. происходит от древнепрусского (балтского) *-ien*, и означает место потомства основателя этого места. В документах XV века деревня Толксдорф (буквально «деревня Толка», в современной Польше носящая название Толкины (Tolkińy)), основанная Матиасом Толком Маркелингероде, называлась Толкупен. В немецком написании после Лютера /y/ писалось бы как /ie/, отсюда **Tolkienen* означало бы «деревню потомков Толка», а *Tolkien* – «потомок Толка, сын Толка, маленький Толк». По другой версии, *-ien* является немецкой передачей славянского суффикса *-ин* (в XV веке в районе Толксдорфа жило много поляков), и тогда Tolkien означает «принадлежащий Толку» [24].

Матиас Толк Маркелингероде служил у комтура Иоганна Шинденкомпфа (1330–1370) переговорщиком с пруссами. По предположению Держинского, выросший в семье с немецкими и прусскими корнями, Матиас Маркелингероде стал «толком», т.е. толмачом, прежде чем надеть рыцарский пояс. В том же 1357 г., когда зафиксированы переговоры с участием Матиаса, он отмечен как владелец земли, на которой впоследствии возникнет родовое гнездо Толкинов – Толкс (Tolks), современная деревня Только (Tolko) в Польше, близ границы с Российской Федерацией. После смерти Матиаса в 1379 г. у него остались три сына, из которых старший, носящий то же имя, что и отец, унаследовал среди других владений и Толкс. Второй сын, Клавко (Clauko), вероятно, умер до 1390 г. Три сына Клавко, в том числе старший – рыцарь Нитше (Никель) Толкин (Nitsche (Nickel)), в основном, упоминаются в документах 1390–1426 гг. По предположению Мюльвершtedта, сыном Нитше являлся вольный человек Якоб Толк, который в 1442 г. принимал участие в переговорах с представителем главы рыцарского ордена. Вольные люди (die Freien) – это появившаяся в XIII веке в прусских владениях Тевтонского

ордена прослойка светских землевладельцев из числа рыцарей, министерялов и горожан, которая стала зародышем будущего прусского дворянства. Якоб Толк пропал без вести в 1456 г. в ходе войны с Польшей, и его имущество было передано управляющему, но Держинский полагает, что у него могли остаться дети. Якоб был владельцем имения Соллау (Sollau, Soldau, Sollseyn) рядом с Кройцбургом и деревней Глобунен, которые ещё появятся в нашем рассказе, но сама нить на этом прерывается [28].

Эту теорию Держинский называет «первой». Согласно «второй» теории, родоначальником является **коренной прусс (представитель балтского племени) из Вармии (земли Вева) Бернгард (Bernhard, род. в XIII в.)**. Его сыном был Лютмодус/ Генрих Толке /Толкин (Lutmodus / Heinrich Tolke / Tolkin), переводчик епископов (1292–1328), хельминский староста Толксдорфа (Толковца (Tolkowicz)) близ Браньево (ок. 1300), живший примерно в 1260–1330 гг. Лютмодус было языческим именем Генриха (1292), а Толкин – прозвищем (1306). Сыном Лютмодуса был Николай Толкин (Nikolaus Tolkun), староста Линденау (Липовины) (Lindenau (Lipowina)), упоминавшийся в документах в 1333–1339 гг. Этот «честный муж» был пруссом, судя по второй форме его имени, Тулкини (Tulkini). Возможно, внуком Николая был Грегор Толкин, житель города Решеля, также связанный с Линденау и Брейтельгудом (1438) и владевшими этими землями Калнайнами (von Kalnein), местными феодалами из Кройцбурга [27].

Это две основные версии, но возможны и другие: «Толкин» означает «потомок толмача», или «выходец из деревни потомков толмача», причём даже таких деревень (Толксдорф) было две, и тем более не уникальным в местности, где проживали немцы, славяне и пруссы, являлось прозвище «толмач» (Tolk / Tolke).

В любом случае, первые достоверно известные предки Толкина проживали в XVII–XVIII вв. на территории, впоследствии отошедшей к нашей стране по результатам Второй мировой войны. Это были мещане, жившие в начале XVII в. в восточнопрусском городе Кройцбург (в настоящее время посёлок Славское Багратионовского района Калининградской области). Бюргер Михель Толкин (род. ок. 1605, ум. 1675), предположительно, был сыном Фридриха Толкина, упомянутого в 1614 г. Известно трое детей Михеля: Михель (ок. 1625 – ок. 1695), Элизабет (род. в 1645) и Регина (род. в 1652). Михель-младший (чья фамилия писалась как «Tolckin», «Tolckihn») был церковным старостой в деревне Глобунен (Глабунен) близ Кройцбурга, у них с женой Элизабет родилось 13 или 14 детей [3, 22, 30].

Держинским, занимающимся этими генеалогическими изысканиями, было выдвинуто две версии о том, какой из сыновей Михеля стал предком писателя. Согласно одной из них, это был Михель Толкин-третий (1647–1699), староста Глабунена, впоследствии вернувшийся в Кройцбург, отец Кристиана Толкина (род. в 1677) [3]. Согласно другой, этот Кристиан Толкин (род. в 1663) приходился Михелю Толкину-третьему братом, а не сыном [30].

Так или иначе, Кристиан Толкин, пекарь или мельник, также стал старостой Глабунена, женился в 1704 г. на Регине Виеторис (род. в 1684) и скончался в Кройцбурге в 1746 г. Фамилия его писалась то «Tolckin» (1663), то «Tolkühn» (1706), то «Tolkien» (1746). В мае 1706 г. у него

родился сын, которого также называли Кристианом [3, 14, 30].

Кристиан-младший был крещён 8 мая 1706 г. в приходской лютеранской кирхе Кройцбурга. Написание фамилии его также было различным: «Tolckien» (1745), «Tollkien» (1746, 1763), но преобладало германизированное «Tollkühn». Женившись на Хелене Покровской, он переехал в польский город Гданьск, где упоминается в записях 1740–1763 гг. как артиллерист. Овдовев, в 1744 или 1745 г. он женился на дочери бомбардира Анне Эфросине Бергхольтц (1719–1792), а в июне 1752 г. у него родился сын Иоганн Бенджамин Толкин, переселившийся в Лондон в 1766–1772 гг., прапрадедушка писателя [3, 13, 26, 30]. В некрологе брата Иоганна Бенджамина, Даниэля Готлиба (1746–1913), также переселившегося в Лондон, говорится, что его родители были «уважаемыми и религиозными людьми» [16].

Посёлок Славское (бывший Кройцбург), в котором протекала жизнь нескольких поколений предков писателя, имеет богатую историю. В 1239 г. Тевтонский орден, осуществляя натиск на восток, захватил, в числе прочих населённых пунктов, деревню Глобунен и находившуюся неподалёку от неё крепость балтов-пруссков. Накануне Ледового побоища, в 1240 или 1241 г., Орден выстроил здесь свой «Крестовый замок» (нем. Kreuzburg). На протяжении веков его неоднократно брали враги – восставшие пруссы и поляки, не щадили пожары, но каждый раз Кройцбург отстраивался и перестраивался. В 1315 г. поселение близ замка получило городские права и обзавелось собственной кирхой, развалины которой сохранились до наших дней [5, 32]. Именно в ней крестились и женились, на её кладбище находили последний приют кройцбургские Толкины [15].

Как писали калининградские журналисты в 2017 г., «строили кирху на основе городской надвратной башни. Как выяснилось, местные жители развлекают себя разборкой этой башни совершенно в открытую. Буквально в 2 метрах от неё стоят поддоны-паллеты, приготовленные для очередной партии «добываемых» из кирхи кирпича и булыжного камня. Мы прошлись по посёлку и увидели, на что уходит кирпич XIII века: у одного хозяина основание забора выложено булыжным камнем и кирпичом, явно выковырянными из кирхи, у другого сарай, у третьего беседка... Если местные власти так и будут продолжать бездействовать, то через несколько лет и всю башню до основания разберут жадные хваткие руки. И следов её не отыщешь. А между тем Кройцбургская кирха получила статус объекта культурного наследия регионального значения ещё 10 лет назад» [6].

Среди известных уроженцев Кройцбурга можно назвать Михаэля Конгеля (1646–1710), поэта эпохи барокко, и Германа фон Бойена (1771–1848), активного участника войн с Наполеоном, состоявшего в 1807 г. при генерале Тучкове, в 1813 – при штабе Кутузова, а впоследствии дослужившегося до звания фельдмаршала и должности военного министра Пруссии.

После отъезда предков писателя в Гданьск богатая история Кройцбурга продолжилась. В 1762 г. под Кройцбургом стоял русский полк, в августе 1914 г. в город временно вступили русские войска, но окончательно в состав нашей страны он вошёл в 1945 г., сильно пострадав во время боёв. Среди воинов, лежащих здесь в братской могиле, – Герои Советского Союза

Филипп Дмитриевич Дмитриев и Александр Иванович Тхоржевский, поэт Борис Алексеевич Костров (1912–1945). Немецкое население, составлявшее до войны около 2000 человек, было выселено, и населённый пункт, переименованный в 1947 г. в «Славское» (в честь славы Советской Армии; часть его носила в 1947–1965 гг. название Енино), пришёл в упадок. В советское и постсоветское время в нём проживало всего 2–3 сотни человек, в основном, переехавших сюда из других регионов, и их потомков. Место, где когда-то находилась деревня Глабунен, потомственными старостами в которой были Толкины, заросло лесом. Однако Славское, хотя и пришло в запустение, с карты не исчезло: здесь сохранялись немецкие памятники фон Бойену, солдатам, погибшим на Первой мировой войне, а также некоторые исторические здания и остатки крепостной стены [2, 5, 8, 12, 32]. Рышард Держинский выразил благодарность своему российскому товарищу Николаю Кожанову, который помог ему, сфотографировав в 2018 году толкиновские места Калининградской области [19].

Польским исследователем найдено много сведений о жизни Толкинов и их окружения в Гданьске и Лондоне, но для русскоязычных читателей, вероятно, наиболее интересным будет рассказ о прапрадедушке писателя, Джоне Бенджамине Толкине, часовом мастере, чьи изделия можно встретить в российских музеях.

Как уже было сказано, он родился в июне 1752 г. в польском городе Гданьске, куда его отец Кристиан Толкин переселился из прусского Кройцбурга (в настоящее время пос. Славское Калининградской области). При крещении его назвали Иоганн Беньямин, а фамилия «Толкин» была записана в германизированном варианте «Толлкюн» (Tollkühn). В 1766–1772 г. Иоганн Беньямин вслед за братом Даниэлем Готтлибом перебрался в Англию. Рышард Держинский называет одной из причин эмиграции религиозный вопрос: Толкины, по-видимому, принадлежали к пиелистскому направлению в лютеранстве, а в Англии, вероятно, перешли в близкий к нему методизм. Другой причиной стала неспокойная внешнеполитическая обстановка: Пруссия захватила окрестности Гданьска, и, хотя сам город в результате Первого раздела Польши 1772 г. ей не достался, прилегающие территории Померании отошли пруссакам.

Братьям сопутствовал успех, они сменили написание своих имён на английское, а позднее, по-видимому, натурализовались (приобрели английское подданство).

В апреле 1777 г. в лондонской церкви Сент-Джеймс 24-летний Джон Бенджамин Толкин женился первым браком на Мэри Уорнер, от которого родились две дочери: Элизабет (род. в 1778) и Анна Мария (1779–1815), но в 1779 г. Мэри умерла.

22 апреля 1781 г. в храме Сент-Сепулкр (Гроба Господня) 28-летний Джон Бенджамин женится повторно, на Мэри Уолл (1746–1837). В браке у них рождается трое детей: Бенджамин Толкин (1782–1787), Джордж Толкин (1784–1840, прадед писателя) и Джон Бенджамин Толкин (1788–1859, тёзка отца и племянника).

Профессия Джона Бенджамина до 1790-х неизвестна, но, вероятно, он был подмастерьем у часового мастера, потому что в 1792 г. стал совладельцем часовой фирмы, названной «Грэвелл и Толкин». До этого она принадлежала Эрдли Нортону (1728–1792), и чтобы сохранить его репутацию, в первые годы своего существования фирма выпускала часы с надписью «Eardley

Norton» на циферблате [20].

Как выяснила толкиновед М. Артамонова, одни из первых часов новоиспечённых владельцев хранятся теперь в Эрмитаже. На особую пластину нанесена надпись на английском языке: «По особому распоряжению ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II, ИМПЕРАТРИЦЫ РОССИЙСКОЙ, ЭТИ ЧАСЫ были спроектированы и начаты ЭРДЛИ НОРТОНОМ, 49, Сент-Джон-стрит, Лондон; и доделаны его преемниками ГРЭВЕЛЛОМ И ТОЛКИНОМ, в 1792» [1, 17].

Часы фирмы «Грэвелл и Толкин» в России – не исключительное явление, их можно встретить в музеях (например, в литературном музее А.С. Пушкина в Москве) и частных собраниях, порой их даже снабжали русскими надписями на циферблате [11].

К 1808 г. бизнес Толкина (уже без Грэвелла, но с Дэнсером) включал не только изготовление часовых механизмов, но и инструментов, затем Джон Бенджамин переключился на продажу изделий из фарфора и стекла. Грэвелл продолжал выпускать часы под маркой «Gravell & Tolkien» до смерти Толкина. В мае 1813 г. на Джона Бенджамина обрушились два удара судьбы: он обанкротился и лишился брата. Дэниэла Толкина, скончавшегося в 65 лет, похоронили на лондонском методистском кладбище Уэсли-Чепел у Сити-роуд. А через несколько лет там же, на кладбище Банхилл-филдс, примерно в сотне метров от могилы брата, нашёл свой последний приют и Джон Бенджамин Толкин, который умер 27 января 1819 г, шестидесятишестилетним. В одной могиле с ним были захоронены музыкант и композитор Уильям Шрабсоул (ум. в 1806) и вторая жена Мэри Толкин (ум. в 1837). [20, 25, 29]

Рышардом Держиньским были выявлены неизвестные ранее подробности жизни даже ближайших предков писателя. Так, его отец Артур, как оказалось, выступил в качестве свидетеля крещения его матери, Мэйбл, в англиканской церкви 24 мая 1891 г. Уэйн Хэммонд в комментарии к этой новости указал, что Мэйбл и Артур поженились 16 апреля 1891 г. и предположил: «Может быть, она стала англиканкой лишь из-за того, что такова была деноминация её мужа, или чтобы оба родителя были англиканами, для крещения их ребёнка в англиканском соборе (к 24 мая Мэйбл была беременна Рональдом)». Таким образом, мать Толкина дважды меняла веру: с унитаризма на англиканство в 1891 г. и с англиканства на католичество в 1900 г. [21].

В заключение будет нелишне поделиться свежей находкой, раскрывающей взгляд самого писателя на его родословную. В апреле 2019 г. Держиньский опубликовал (по рукописной копии, оригинал утрачен) ранее неизвестное письмо Толкина от 30 марта 1951 г. к миссис Флоренс Толкин из США. Оно было предоставлено ему внучкой Флоренс, миссис Шарлен Эвелин Толкин из Миннесоты, которая написала ему, что Даниэль Готлиб Толкин (тот, что переехал в Англию раньше брата) является её прапрапрадедушкой; много лет назад она видела дочь писателя, Присциллу, в Оксфорде, и та приветствовала её как родственницу («Welcome cousin!»). Бабушка Шарлен, Флоренс Толкин, наткнулась в библиотеке на «Хоббита», написала его автору и получила от него ответ, в котором тот излагал свои знания о родословной [29]:

Уважаемая миссис Толкин,

Спасибо за ваше исключительно интересное письмо, проштемпёванное 20 марта и полученное мной в эту среду [28 марта 1951 г. – прим. переводчика]. Должен сказать, что практически несомненно, что мы родственники (вероятно, четвероюродные брат с сестрой) по причинам, которые будут изложены позже. Более всего я должен быть благодарен за любые дополнительные сведения, которые вы можете предоставить о семье вашего мужа (если возможно, с датами – или приблизительными датами – рождения). Мой сын Майкл особо интересуется фамильной историей; но увы! мы взялись за неё слишком поздно, когда большая часть преданий была утрачена, и лишь трата большего времени и денег, чем мы можем позволить, открыла бы гораздо больше – и из-за двух военных катастроф, несомненно, многое никогда нельзя будет обнаружить. (Лейпциг [например] был сильно разрушен; теперь он недоступен). Из-за смерти моего отца в Африке, когда мне было 4 года (1896), меня вырастила семья моей матери, и главным хранителям преданий и истории (сёстрам моего отца) дали умереть, не передав того, что им было известно.

Несомненность в наших родственных отношениях базируется на следующих пунктах: (1) Ваше предание, что ваша ветвь происходит от мужчины английской национальности; (2) написание (как вы заметили) (3) тот факт, что я слышал, что была новая ветвь, обосновавшаяся в Плимуте, и об эмиграции в Америку из этого места. (1) Насколько мне известно, единственный немец с этой фамилией, эмигрировавший в Англию, был наш <родственник>; в то время как (3) написание «Tolkien» было принято лишь нашей семьёй (вероятно, моим прадедом), как мера по англизации – прежнее немецкое написание было «TOL(1)KIEhN». (Как таковое, это всего лишь форма немецкого прилагательного «tollkiehn» «безрассудный»; но многие немецкие прозвания нелестны).

Семья, согласно преданиям, была из мелкого дворянства Саксонии (Лейпциг). Эта фамилия также проникла в Польшу (вероятно во время объединения корон Польши и Саксонии) и пострадала от прусской агрессии. После прусского вторжения (1746 г. или около того) наши непосредственные предки ускользнули (хотя по крайней мере один из этой семьи был казнён за сопротивление), и утратив всю свою собственность, сбежали в Англию с сыном, тогда ещё ребёнком. Похоже на то, что эмигранты очень быстро и сильно «обританились» и отреклись от немецкого прошлого, сохранив лишь нелюбовь к Пруссии (которая на самом деле долго сохранялась в Саксонии!)

Семья эмигрантов, кажется, сначала поселилась в Лондоне, но мой дед переехал в Бирмингем. Их основными занятиями, в немецкой манере, были музыка и ремесло – хотя была и «тяга к морю» (вероятно, пришедшая от браков с англичанками).

Мой старший дядя был моряком. Но они взялись за часы и фортепиано. Всё ещё можно увидеть «Tolkien» (Генри Толкин) на старых дедушкиных часах, а толкиновские фортепиано одно время были знамениты, особенно фортепиано Дж. Б. Толкина, сделанные моим дедом. Когда-то он был богатым, но не бизнесменом, а непреклонно религиозным баптистом и не имел отношения к мюзик-холлам или театрам. Он был дорогим стариком и бедняком в девяностые, когда я его знал. Прилагаемая таблица покажет то немного, что я ещё знаю в настоящее время, и характер нашего родства, как я его предполагаю. Хотя я могу добавить ещё два замечания: традиция, что старший сын в семье всегда назывался Иоганн или Джон, которая вернулась ко мне, потому что у моего старшего дяди-моряка Джона Толкина не было сыновей; и у него было предание о нашем семейном гербе. Последний был – или говорят, что был – синим щитом с двумя золотыми шевронами и 5 золотыми звёздами, тремя наверху и 2 внизу. Украшением наверху гербового щита служил полугрифон. Я не описываю элементы на языке технической геральдики, поскольку они неточны (и в любом случае на немецком). Украшение наверху гербового щита взято с оттиска печати моего отца; девиз, как говорят, был «Fest und Treu» [*«Стойкий и верный» – прим. переводчика*]. Хотя семья, таким образом, была английской 200 лет, она, похоже, не распространилась широко. Фамилия никогда не встречалась – или вряд ли когда-либо встречалась – в справочниках или телефонных книгах! И когда я по случайности наткнулся на неё, владелец всегда оказывался сравнительно близким родственником.

Что касается меня самого, я родился в Блумфонтейне, в Оранжевом Свободном государстве в 1892 г.; но будучи болезненным ребёнком, увядающим на жаре, был отослан с матерью и братом-младенцем назад в Бирмингем в 1895 г., а мой отец в отсутствие моей матери умер от запущенной лихорадки в 1896 г. Таким образом, он в любом случае избежал ужасной Бурской войны, которая вскоре разразилась. Сам я жил в Бирмингеме до 1911 г. и после службы в войне 1914 до 1918 гг. Большую часть жизни я провёл здесь, в Оксфорде; как студент в 1911–1914 гг. и как «дон» в 1919–20 гг. – и с 1925 г. по настоящее время. (5 лет я был в университете Лидса). С 1945 г. я являюсь Мертоновским профессором английского языка и литературы в Оксфорде, после того как 19 лет был профессором англосаксонского. Я был очень неплодовитым автором, поскольку большую часть времени тратил на преподавание и организационную работу. Не буду обременять вас техническими темами (медиевистики и филологии). «Хоббит», написанный 20 лет назад и опубликованный в 1937 г., принёс небольшую славу. Он опубликован «Хоутон-Миффлин» на Парк-стрит, 2, в Бостоне, и они также выпустили меньшую по объёму историю под названием «Фермер Джэйлс из Хэма». Я вскоре должен им написать, и я позволю себе

попросить у них послать вам экземпляры.

Надеюсь, не посчитаете эти детали утомительными. Я пошлю ваше письмо своему сыну Майклу, которого оно заинтересует. Нам, в свою очередь, не наскучит никакое количество сведений о семье. У нас есть другие родственники в Штатах, кузен моей жены по фамилии Хердман, который эмигрировал в Техас. Его сын заходил к нам, когда был здесь с вооружёнными силами США.

Со всеми добрыми пожеланиями вам и вашему мужу и детям.

Искренне ваш,

Дж.Р.Р. Толкин.

P.S. Мой самый давний и ближайший друг гораздо более плодovit – это К.С. Льюис, чья слава, как представляется, распространилась широко.

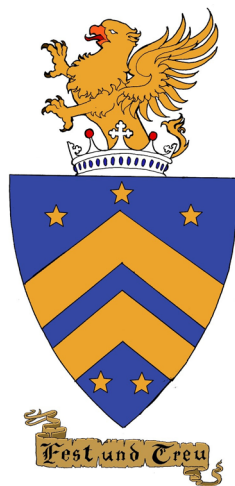
В комментариях к публикации Держинский уточняет, что на самом деле форма «Tolkien» употреблялась параллельно с Tolckien, Tolkiehn, Tollkühn и Tollkien, и появилась ещё в те времена, когда Толкины жили в Пруссии, а старейшими (XIII–XV вв.) были формы Tolкуп и Tolkin.

Кристиан Толкин (1706, Кройцбург – 1791, Гданьск) прибыл из королевства Пруссии в Польшу (на самом деле в Гданьск/Данциг в польской Пруссии) после 1724 г. и до 1740 г., фактически «во время объединения корон Польши и Саксонии» и он действительно «пострадал от прусской агрессии (1770–1773). Его сын, Даниэль Готтлиб Толкин (1746–1813) ускользнул в Англию со своим младшим братом (не сыном!) Иоганном Бенджамином Толкином (1752–1819) в 1766–1770 гг. Я не знаю ни одного члена этой семьи, казнённого пруссаками [*Prussians*] (на самом деле Толкины были пруссами [*Prussians*!]). Из письма мы можем предположить, что профессор Толкин знал, что его предок прибыл в Лондон из Польши, пострадав от прусской агрессии. Почему же Лейпциг в Саксонии? Возможно, профессор Толкин думал, что его предки носили фамилию Tolkiehn и появились из саксонского Лейпцига, потому что он знал книги профессора классической филологии Иоганнеса Толкина (Johannes Tolkiehn), которые были опубликованы в Лейпциге? Немецкий профессор И. Толкин на самом деле был дальним родственником профессора Дж.Р.Р. Толкина – у них были общие предки в восточно-прусском городке Кройцбурге.

По словам Держинского, «похоже, Дж.Р.Р. Толкин не знал о своём прапрадеде Иоганне Беньямине (Джоне Бенджамине) Толкине, который родился в Гданьске и который был в Лондоне

часовым мастером. Этот давний Джон Бенджамин Толкин был похоронен на кладбище Банхилл-филдс в Лондоне (он был кальвинистским методистом). Профессор, вероятно, не знал о его могиле. Толкины в Англии, вероятно, были не баптистами, а индпендентами. Предками Шарлен Толкин были веслианские методисты. Прадед профессора, Джордж Толкин (1784–1840), был певцом-басом в группе Друри-Лейн и выступал в нескольких лондонских мюзик-холлах! Один из Толкинов из той ветви, к которой принадлежал профессор, даже был клоуном!»

Как пишет Держиньский, «традиция имени Иоганн/Джон существовала лишь среди ветви потомков младшего брата из Гданьска, Иоганна Беньямина Толкина (1752–1819). У дяди Дж.Р.Р. Толкина, Джона Бенджамина Толкина (4-го, 1845–1883) была лишь одна дочь, Беатрис Эмили Луиза Толкин (1868–1935). Герб семьи Толкинов отличался от того, что был описан профессором [...] Fest und Treu [«Стойкий и верный» – прим. переводчика] звучит великолепно, но это, вероятно, не настоящий девиз».

Реконструкция предполагаемого толкиновского герба, выполненная польской художницей Nimwen.

Семья была английской, но её родственники (с фамилиями Tolkien, Tollkühn и Tollkühn) продолжали жить в Восточной Пруссии до 1945 г. Они даже принимали участие в Великой войне как немецкие солдаты. К счастью, семья не распространилась широко, а фамилия уникальна – благодаря этому я смог обнаружить связи между всеми основными ветвями семьи Толкинов в Пруссии, Польше, Германии, Англии, Канаде и США [29].

Список источников и литературы

[1] [Артамонова М.] Прадедущка нашего хоббита... [Электронный ресурс]. URL: <https://dreiviertel.livejournal.com/231184.html>

[2] Братская могила советских воинов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=25>

[3] Генеалогическое древо Толкина 1580-1973 [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkien.su/forum/index.php?action=dlattach;topic=23893.0;attach=9001>

[4] Говоря о генеалогиях... [Публикация в группе ВКонтакте «Нолдор – племя гордое» от 20.10.2017 о генеалогии Толкина] [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-69527279_18150

[5] Кройцбург [Электронный ресурс]. URL: <https://apb-to.jimdo.com/%D1%82%D0%B5%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BE%D1>

[80%D0%B4%D0%B5%D0%BD/%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%86%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3/](https://www.grazdanin-gazeta.ru/archive/2017/aprel-2017/5-06-aprelya-2017/1519/)

[6] Логачева Г. Кройцбург или потерянный город (посёлок Славское Багратионовского района) // Гражданин. 2017. №5 (06 апреля 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grazdanin-gazeta.ru/archive/2017/aprel-2017/5-06-aprelya-2017/1519/>

[7] Пирожков К. Занимательные факты из биографии Толкина [Электронный ресурс]. URL: <https://vescon.org/materialy/materialy-veskon-2019/konstatin-pirozhkov-zanimatelnnye-fakty-iz-biografii-tolkina/>

[8] Славское (Калининградская область) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_\(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C))

[9] Толкин Дж. Р. Р. Письма. – М.: Эксмо, 2004. – 576 с.

[10] Универсальный толкинист [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-146787020_1059

[11] Часы для каминной полки [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-146787020_910

[12] Aufzeichnungen Des Freundeskreis Kreuzburg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tharauvillage.de/kreis-preu%C3%9Fisch-eylau/kreuzburger-erinnerungen/>

[13] Derdzinski R. Christian Tolkien (1706-1791) J.R.R. Tolkien's g-g-g-grandfather found! [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2017/10/christian-tolkien-1706-1791-jrr.html>

[14] Derdzinski R. Christianus Tolkien (b. 1663), a miller from Kreuzburg. J.R.R.T.'s g-g-g-grandfather [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2017/10/christianus-tolkien-b-1663-miller-from.html>

[15] Derdzinski R. Church of Tolkien's ancestors (Kreuzburg, Ostpreußen) [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2017/09/church-of-tolkiens-ancestors-kreuzburg.html>

[16] Derdzinski R. Daniel Gottlieb Tolkien: Obituary (The Methodist Magazine, 1813) [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2017/10/daniel-gottlieb-tolkien-obituary.html>

[17] Derdzinski R. Dzieło Tolkiena w Ermitażu [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elendilion.pl/2009/09/12/dzieo-tolkiena-w-ermitau/>

[18] Derdzinski R. First was Tolkien, then Tollkühn [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2019/04/first-was-tolkien-then-tollkuhn.html>

[19] Derdzinski R. Globuhnen of the Tolkiens in Prussia Tolkienowskie Globuhnen w Prusach [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2018/10/globuhnen-of-tolkiens-in-prussia.html>

[20] Derdzinski R. John Benjamin Tolkien (1752-1819): a summary [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2017/05/john-benjamin-tolkien-1753-1819-summary.html>

[21] Derdzinski R. Mabel Tolkien (Suffield) baptized in... 1891! [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2018/01/mabel-tolkien-suffield-baptized-in-1891.html>

[22] Derdzinski R. Michel Tolkin, sołtys Globuhnen Michel Tolkin, mieszczanin Krzyżborka [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2017/11/michel-tolkin-sotys-globuhnen-ok-1620.html>

[23] Derdzinski R. More thoughts on *tolk* and *tollkühn*. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2018/11/more-thoughts-on-tolk-and-tollkuhn.html>

[24] Derdzinski R. The first Tolkiens ever and the suffix *-ien* Tolkien = Tolkiensson? [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2017/04/the-first-tolkiens-ever-and-suffix-ien.html>

[25] Derdzinski R. The London Tolkiens: Even more information! [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2019/05/the-london-tolkiens-even-more.html>

[26] Derdzinski R. The Tolkiens from Letztegasse No. 28, Petershagen. [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2018/06/the-tolkiens-from-22-letztegasse.html>

[27] Derdzinski R. Tolkienowie jako potomkowie Prusów z Warmii! Nowa teoria [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2018/10/tolkienowie-jako-potomkowie-prusow-z.html>

[28] Derdzinski R. **Tolkienowie jako potomkowie rycerzy z Harzu i nobilów z Prus – “Pierwsza Teoria”** [Электронный ресурс]. URL: <https://tolkniety.blogspot.com/2018/10/tolkienowie-jako-potomkowie-rycerzy-z.html>

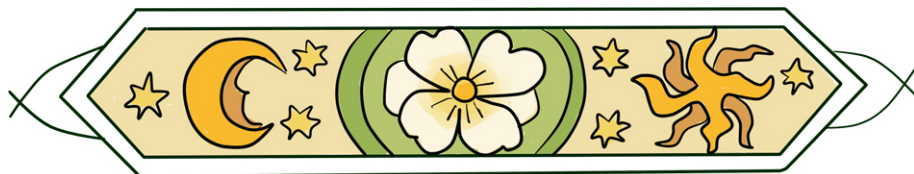
[29] Derdzinski R. Unknown letter by J. R. R. Tolkien on his ancestor from Poland! (1951) URL: <http://tolkniety.blogspot.com/2019/04/unknown-letter-of-j-r-r-tolkien-on.html>

[30] Drzewo Rodzinne Tolkienów (1379–1840) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elendilion.pl/2018/01/09/drzewo-rodzinne-tolkienow-1379-1840/>

[31] Helen Daniel. Winners of The Tolkien Society Awards 2018 announced. URL: <https://www.tolkiensociety.org/2018/04/winners-of-the-tolkien-society-awards-2018-announced/>

[32] Kreuzburg (Славское) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forum-kenig.ru/viewtopic.php?p=66371>

[33] [Tolk]. Vokmålsordboka [Электронный ресурс]. URL: <https://ordbok.uib.no/perl/ordbok.cgi?OPP=tolk&bokmaal=+&ordbok=bokmaal>

*(Доклад, прочитанный на конвенте толкинистики «ВесКон»,
23–25 февраля 2018 г)*

Об истории Кардолана и гибели его после Мора известно из «Приложений к “Властелину Колец”». Труднее судить о его особенностях, экономике, быте и нравах. Тем не менее, можно попытаться проанализировать известные сведения, хотя даже его география вызывает некоторые вопросы.

Известны границы государства – по Барандуину, реке Гватло (Сероструйной) и Великому Тракту. Реки были и естественной преградой, защищающей от чужаков, а по границе вдоль Тракта тянулась преграда искусственная: хоббиты, отойдя от Могильных Холмов и прощаясь с Томом Бомбадиллом, выходят на такую границу, окаймлённую рвом и земляным валом. Возможно, эти укрепления созданы во время ангарских войн – даже при Первом, при котором Артедайн и Кардолан совместно держали на замке границу, проходившую в том числе по Великому Тракту. Но скорее всего, ранее – из-за соперничества с Кардоланом. В те времена укрепления должны были выглядеть иначе, чем их остатки, сохранившиеся до времён Войны Кольца: рвы были глубже, валы выше и, возможно, по их верху тянулся частокол или иная стена. Необычная черта: не более или менее условная граница, которую можно перейти, не заметив, а укреплённый и, видимо, охраняемый рубеж.

Итак, о границах государства и даже их внешнем облике известно. А где находилась его столица? На Гватло мы видим нуменорский город Тарбад, построенный ещё до Эрегионской войны. Древность его говорит в пользу того, что он мог бы быть столицей. Если бы не гробницы королей и королев на Тирн-Гортад. В Нуменоре долина Нойринан с усыпальницами королей находилась у подножия Менельтармы, близ Арменелоса. В Гондоре усыпальницы находятся в Минас-Тирите. Первая его столица – Осгилиат, а не Минас-Анор, однако после переноса

столицы прах королей также мог быть перенесён на новое место; если это не так, Минас-Анор находится недалеко от Осгилиата. А в Кардолане Тирн-Гортад и Тарбад оказываются в разных концах страны. Их разделяет более двухсот миль.

Представляется, что политический центр Кардолана, по аналогии с Нуменором и Гондором, должен был находиться близ Тирн-Гортад. Можно вспомнить слова Тома Бомбадила о золоте, которое ссыпалось на могилы королей или громоздилось на них. Золото не могло быть просто свалено или набросано сверху, и, судя по этим словам Тома Бомбадила, не всё оно было намеренно захоронено вместе с усопшими. Возможно, и кинжалы попали в гробницы так же.

Тогда то, что Ангмар был остановлен близ Тирн-Гортад, приобретает особый смысл: дунэдайн Кардолана отстояли не только могилы предков, но свою столицу и трон своих королей. Это косвенно подтверждается и тем, что в 1409 г. Т.Э. на Тирн-Гортад пал последний принц Кардолана: если столица была разрушена, понятно, отчего пресёкшийся род не сменил другой, как уже было. Как она называлась, неизвестно: название «Тирн-Гортад» не кардоланское. В переводе оно означает «Заклятые холмы», то есть это имя они получили уже после того, как были заселены Умертвиями. В описании холмов Тирн-Гортад мы не видим следов столицы; только кое-где торчат из травы неотёсанные камни. Возможное объяснение – ангмарцы могли сравнять столицу Кардолана с землёй.

Под «столицей» я не имею в виду непременно крупный город. Возможно, крепость: на землях Кардолана сохранились остатки крепостей и дозорных башен.

Итак, Тирн-Гортад – естественный центр страны, благодаря древним курганам, насыпанным ещё в начале Первой эпохи предками эдайн и особенно чтимым вернувшимися дунэдайн. Стоит отметить, что собственно насыпными курганами, могильниками, могли быть лишь древнейшие захоронения – место, куда попадают хоббиты, так назвать нельзя. Скорее оно напоминает вырубленные в камне покои с могилами Королей и Королев, как в Нойринане, Долине Могил в Нуменоре.

Нуменорское происхождение должен иметь и обычай облачать погребённого в белые одежды. Нужно заметить, что в Нуменоре в белых одеждах восходили на Менельтарму в дни Трёх Молений. Уход из жизни, каким он был в раннем Нуменоре, так же, как и моление на Менельтарме, был восхождением к Эру, и с этим могли быть изначально связаны белые одеяния погребённых. Стоит отметить, что пиков, что могли бы играть роль священной горы, в Кардолане, в отличие от Гондора, нет. Так, наиболее почитаемым место в стране оказываются гробницы и их окрестности, что с ещё большей вероятностью может привести к перекоосу, чрезмерному вниманию к умершим в ущерб живым.

Хотя, как было отмечено выше, не все драгоценности Тирн-Гортад были частью захоронений, можно видеть, как Умертвия облачили хоббитов. Золотые пояса, золотые обручи, золотые цепи, много перстней на пальцах – Королей и Королев Кардолана погребали в пышном, торжественном наряде. Неизвестно, были ли эти украшения теми, которые умерший носил при жизни или они изготавливались специально для погребения, но для каждого следующего Короля, Королевы, принца требовались новые драгоценные украшения. Это может говорить также о богатстве Кардолана и пристрастии знатных людей Кардолана или, по крайней мере,

королевского рода к роскоши.

Добавим, что род Исильдура в Кардолане пресёкся без мора и без великих войн, то есть, верней всего, из-за бездетности Короля. Если последний Король из потомков Исильдура погиб в бою с Рудауром вместе с наследником – у него не осталось братьев или других близких родичей, которые могли бы унаследовать трон.

Можно вспомнить слова Фарамира о Гондоре: «Смерть всегда стояла у нас перед глазами: нуменорцы, как и в те далекие времена, когда они потеряли свое древнее королевство, жаждали вечной жизни, в которой все пребывало бы неизменным. Могилы королей были пышнее, чем дома живущих, и Властители с большей торжественностью произносили имена предков, записанные в старых свитках, нежели имена своих сыновей».

Кардолан, от которого остались богатые захоронения, в этом отношении оказывается близок к Гондору тех времён.

Теперь вернёмся к сокровищам Тирн-Гортад и взглянём на них с другой стороны. Золото и серебро, бронза и медь; множество украшений, как взятая Томом Бомбадилом брошь, усыпанная синими и голубыми самоцветами разных оттенков; драгоценные, усыпанные огненно-красными самоцветами ножны; травление на кинжалах – определённо, в Кардолане ювелиры были в чести. Неизвестно, какие руды и камни из перечисленных добывали в самом Кардолане, а какие покупали, но почти несомненно, что он должен был активно торговать камнями и металлами с другими странами: Артедайном и Гондором.

Страна могла славиться и оружейниками. Ножны кинжалов были выкованы из неизвестного хоббитам чёрного металла, лёгкого и прочного, клинки были искусно исполнены, не заржавели за более, чем тысячу лет и к тому же обладали силой, способной поразить назгула. Вероятно, это означало, что эти кинжалы могли действовать в Незримом мире, в котором фактически обитали назгулы.

Есть у кинжалов и внешняя особенность – вытравленные на лезвиях красно-золотые змейки; прибавив к этому огненно-красные камни на ножнах и упоминание Томом Бомбадилом красных мечей, можно отметить, что само название «Кардолан», видимо, связано с красным цветом. Скажем, Каменкович и Каррик переводят его как «Страна красных камней». Красный и золотой – цвета оружия, мужских украшений, возможно, и доспехов. Напротив, стены кардоланских башен и крепостей – не красные, но белые и зелёные. Относительно вытравленных змей можно заметить, что в Арде этот знак может быть положительным: можно вспомнить кольцо Барахира.

Ещё об одном распространённом в Кардолане занятии повествует Том Бомбадил – это овцеводство. Овец в этих землях разводили и до строительства крепостей, и после их разрушения, до опустошения страны Мором. Во времена Войны Кольца большая часть земель Минхириата – это луга, то есть пастбищ в Кардолане более чем хватало. Это означает, что овечья шерсть могла быть основным материалом одежды жителей Кардолана, а овечий сыр и баранина – повседневной пищей. Стоит заметить, что Минхириат был достаточно густонаселённым краем, чтобы Мор быстро распространился там и произвёл большие опустошения. Совместив это с распространением овцеводства и равнинным рельефом Минхириата, мы получим множество

селений на обширных зелёных равнинах с многочисленными стадами.

Фарамир отдельно говорил и о государствах-соседях Гондора: «Когда-то нуменорцы населяли все бескрайние побережья Большой Земли, но большинство из них посвятили себя порокам и злу. Многие склонились к делам Мрака и увлеклись чернокнижием, а некоторые предались праздности, перессорились и, вконец обессилев, стали терпеть поражения от дикарей». Ни Гондора, ни Артедайна всё упомянутое не касалось. А Кардолана? Слова о чернокнижии и Мраке, конечно, относятся к чёрным нуменорцам, а не к арнорцам. Дунэдайн Кардолана никогда не вступали в союзы с Тьмой, и когда пришёл час – доблестно сражались против Ангмара вместе с Артедайном.

Об этом рассказывал хоббитам Том Бомбадил. «Сражались плечом к плечу короли малых королевств, и юное Солнце огнем горело на красных клинках молодых, охочих до битвы мечей. И была победа, и было поражение; башни падали, крепости гибли в пламени пожаров, и огонь восходил до самых небес».

Здесь хочется сделать одно пояснение, которое является важным для характеристики отношения Кардолана к Артедайну. В оригинале эти слова начинаются так: «Kings of little kingdoms fought together...», что может быть переведено и как «сражались друг с другом». Из следующей фразы видно, о каких именно событиях вспоминает Том Бомбадил: победа Артедайна при поддержке Кардолана и Линдона над ангмарцами и рудаурцами, и поражение в 1409 г. Т.Э. – временный захват Кардолана и погибшая в огне Амон-Сул. Поэтому всё-таки речь о том, что Короли Артедайна и Кардолана сражались вместе (против общего врага), а не друг против друга. Хотя в «Наследниках Элэндиля» Дж.Р.Р. Толкин поначалу писал о вражде Кардолана и Артедайна, так что Аргелеб Первый погибал в бою с Кардоланом за палантир Амон-Сул, в дальнейшем подобные упоминания вычёркивались. В окончательной версии они являются верными союзниками, а не соперниками.

Но, несмотря на доблесть дунэдайн Кардолана, в союзе с Артедайном сражавшихся против Короля-Чародея, слова о тех потомках нуменорцев, что предались праздности, перессорились между собой и от этого обессилели, похоже, отчасти относятся и к Кардолану, поскольку Кардолан часто ссорился с Рудауром – что, как сказано, ускорило вырождение потомков нуменорцев.

Так как число дунэдайн повсеместно сокращалось, среди людей Кардолана должна была всё более возрастать доля Меньших людей и людей смешанного происхождения. Правда, главенство сохранялось за дунэдайн: о том, что в Рудауре власть приняли жители не нуменорского происхождения, говорится особо. Так, после пресечения рода Исильдура Кардоланом должны были править потомки иного нуменорского рода – как позже произойдёт в Гондоре.

Когда Аргелеб Первый заявил право на владычество над всем Арнором, воспротивился этому один Рудаур. Кардолан был готов к воссоединению. Это означает, что кардоланцы воспринимали себя как арнорцев, а не только отдельный народ. Арнор как единое целое достаточно значим для них, чтобы они были готовы к объединению под началом Артедайна даже с давним соперником, Рудауром – если бы он согласился.

Происхождение правителя из рода Исильдура было для них менее значимо, чем для гондорцев – из рода Анариона: после пресечения рода Исильдура они избрали не Наместника,

но нового Короля. Как жил и управлялся Кардолан в течение двух веков после 1409 г. Т.Э., известно мало (об этом будет сказано чуть позже). Возможно, подобно следопытам после падения Артедайна.

Любопытно, что среди жителей Кардолана оставались и недружественные к дунэдайн. На юге Минхириата находится дремучий лес Эрин Ворн, где во Вторую Эпоху скрылась часть враждебных к нуменорцам лесных жителей – потомками того же народа были и жители Дунланда. Этот народ, по всей видимости, жил там до Третьей Эпохи: сказано, что даже после Мора 1636 г. Т.Э., погубившего Кардолан, в лесах Минхириата жили скрытные и немногочисленные племена охотников. От Мора их могло уберечь именно то, что они совершенно не сообщались с дунэдайн. Ранее та же скрытность и малочисленность могли стать причиной, по которым сами дунэдайн Кардолана не трогали враждебных к ним жителей Эрин Ворн и сам лес.

В пределах Кардолана находится и более известный Вековечный Лес, владения Тома Бомбадила. В отличие от хоббитов, кардоланцев Вековечный лес не страшил: многие дунэдайн Кардолана во время войны с Ангмаром (после 1409 г. Т.Э.) нашли там убежище. В те дни они жили в самом Вековечном Лесу, а бывали там наверняка и ранее – Лес всё-таки непростой, и не знающий его, не умеющий вести себя в нём так, чтобы это не становилось опасным, вряд ли решился бы там поселиться. Несомненно, всё это происходило с ведома и при помощи его Хозяина. Том Бомбадил помнит хозяйку сапфировой броши, добрую и прекрасную, то есть встречался с ней. Принадлежавшая ей брошь позже оказалась на Тирн-Гортад. Значит, это должна была быть знатная женщина – вероятно, королева или принцесса. Имени её не сохранилось, зато сохранилась добрая память о ней Тома Бомбадила. Да и то, что он повествует хоббитам именно об истории Кардолана, хорошо её зная, говорит о его общении с кардоланцами. Знали они его под другим именем. «Том Бомбадил» – имя, под которым его знал именно народ Шира. Люди, как упомянуто в седьмом томе «Истории Средиземья», называли его иначе: Старейший.

Хоббиты, придя в Эриадор, жили в том числе в пределах Кардолана: вблизи Заверти, в окрестностях Бри (вероятно, по обе стороны границы), вдоль реки Гватло. Упомянуто множество их поселений в Эриадоре. Каковы были их отношения с кардоланцами, можно судить, исходя из упоминания в тексте «О гномах и людях», что хоббитам на самом деле нравилось жить рядом с теми из Большого Народа, кто был дружелюбно настроен и мог защитить их от опасностей и врагов, получая взамен много услуг. И из того, что в те времена хоббиты переняли от дунэдайн письменность и перешли на Всеобщий язык (вестрон).

Во времена Короля Гондора Хьярмендакиля Первого, который правил в 1015–1149 г. Т.Э. и заметно расширил пределы государства, западная граница Гондора проходила не по Изену (как было вначале), по реке Гватло. Так что Кардолан и Гондор непосредственно граничили друг с другом, не разделённые не принадлежавшими дунэдайн землями. Если вместе с Артедайном Кардолан охранял границы, то вместе с Гондором строил Тарбадский мост, дороги, а также гати (т.е., бревенчатые настилы через болота по берегам Митэйтель и Гватло). По остаткам подобных гатей, только с гондорской стороны, Боромир добирался до Тарбада по пути в Имладрис. Дороги совместно содержали в порядке – связи Кардолана с его восточным соседом, Гондором, были крепкими. Содержание в порядке дорог означает не только заботу о состоянии

собственно дорожного покрытия и мостов, но и таверны, конюшни, постоялые дворы, вероятно, придорожную торговлю. Представляется вероятным, что всё это было хорошо развито. Все, кто желали добраться из Оггилиата в Форност или из Минас-Анор в Линдон – ехали и шли по дорогам Кардолана. И это означает, что важная часть жизни страны должна была концентрироваться вокруг дорог, и дороги могли быть главным источником благосостояния Кардолана. Можно отметить, что самое название «Тарбад» означает «Перекрёсток» – главное его значение в том, что это место соединения водных и сухопутных дорог.

Там же вплоть до Мора стоял значительный гарнизон солдат, строителей, а также матросов. Тарбад – порт, и Кардолан – единственное из арнорских государств, у которого был выход к морю и обширное побережье. Гарнизон, в который входили матросы, говорит о том, что у Кардолана были не только рыбацкие лодки или торговые суда, но и военный флот, хотя бы маленький. И он сохранился вплоть до Мора и гибели Кардолана. Хотя очевидно, при такой протяжённости побережья обычные моряки и рыбаки тоже должны быть, хотя они и не упомянуты.

Как можно видеть, у Кардолана были общие черты и с Артедайнм, и с Гондором, и он сотрудничал с обоими государствами дунэдайн. Вместе с особым упоминанием его роли в поддержании дорог это говорит о его значении как связующего звена между Артедайнм и Гондором. Когда дунэдайн Кардолана были уничтожены, это привело к ослаблению связей между Северным и Южным Королевствами. В самом деле, о союзе Арафанта, Короля Артедайна, и Ондохэра, Короля Гондора, сказано, что он был заключён после длительного молчания и отчуждения. Тогда до Мора сообщение между Севером и Югом было постоянным: как упомянуто в «Неоконченных сказаниях» между королевствами была тесная связь, в каждом из них хорошо знали о внутренних делах другого, особенно о переселениях людей. Значение Кардолана как связующего звена может быть причиной, по которой Ангмар так стремился его уничтожить, превратить из живой культуры в культуру археологическую. И, к несчастью, преуспел в этом.

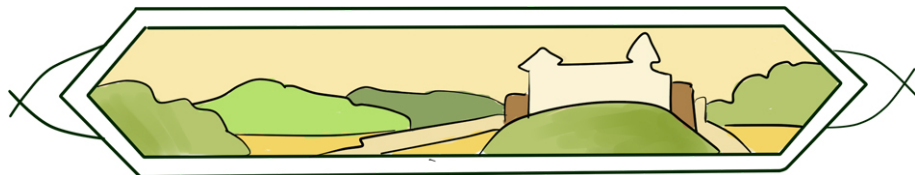
Надеюсь, результаты проведённых в Кардолане раскопок оказались небезынтересны.

Литература

Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец: [Трилогия] / Пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика. – СПб.: Амфора, 2001.

Tolkien J.R.R. The History of Middle-earth: Vol. VII – The Treason of Isengard.

Tolkien J.R.R. The History of Middle-earth: Vol. XII – The Peoples of Middle-earth.

(Оригинал опубликован по адресу: <https://middle-earth.xenite.org/elves-by-the-numbers/>)

Много ли было эльфов в Арде – в тот или иной момент времени? И сколько именно? Кто-нибудь то и дело задаётся этим вопросом. Точного ответа нет, ведь Дж. Р. Р. Толкин не снабдил нас данными переписи населения: остаётся лишь строить догадки и играть с числами.

Придти к более-менее обоснованным оценкам всё-таки *возможно*, хотя они порою значительно разнятся. Кто-то заведомо полагает, что эльфов никак не бывает больше... скажем, нескольких сотен тысяч – никогда, ни в какую эпоху. Я придерживаюсь мнения, что на пике своей цивилизации они должны исчисляться миллионами.

Обсуждая эльфийское народонаселение, исследователи неизменно увязают в болоте неподъёмных вопросов: какие источники считать «каноном», и как понимать некоторые *не слишком чётко* сформулированные фразы. В результате приходится решать, можно ли полагаться на тексты, когда они не особенно согласны друг с другом, хотя предстают – каждый по отдельности – «каноническими». В конечном счёте, вымышленная история эльфов много раз изменялась, и очень часто её развитие определялось лингвистическими изысканиями автора.

Отправная точка любых спекуляций на данную тему лежит в очерке «Квенди и эльдар», опубликованном Кристофером Толкином в «Войне Камней» (1). Эта работа, написанная Дж. Р. Р. Толкином под конец жизни, по большей части согласуется с «Властелином Колец» и в какой-то мере – с изданным «Сильмариллионом». «По большей части» и «в какой-то мере», конечно, открывают дорогу всевозможным спорам и прениям. Но суть дела такова: если мы хотим определить, сколько эльфов могло населять Арду в тот или иной момент её истории, нам не от чего отгалкиваться, кроме «Квенди и эльдар» (2).

Потому возьмёмся за «Квенди и эльдар» и посмотрим, что оттуда можно извлечь!

В тексте сообщается: вначале существовало 144 эльфа (72 мужчины и 72 женщины), разделённых на 14 *миньяр* («первых»), 56 *таъяр* («вторых») и 74 *нельяр* («третьих»). Три группы именовались так в честь первых трёх пробудившихся эльфов, которых звали Имин («один»), Тата («два») и Энель («три»). «Квенди и эльдар» сопровождаются единственным в своём роде

преданием: чем-то вроде эльфийской волшебной сказки, повествующей о пробуждении первых эльфов. Часть читателей отвергала «сказочку» долгие годы, не признавая сюжет достоверным – поскольку он *представлен* в виде детской считалки, рассказываемой «просто так».

Тем не менее, основной текст «Квенди и эльдар» согласуется с её положениями или прямо подтверждает их (3). Поэтому я предпочитаю принять «сказку» как верную по существу, хотя и примитивизированную. Перед нами подлинное свидетельство эльфийской истории; школьные учебники для третьего класса тоже являют свидетельство истории настоящей, невзирая на упрощённое изложение тем и событий. Проследим за рассказом.

Имин, Тата и Энель просыпаются один за другим в этой последовательности. Рядом с собой каждый обнаруживает эльфийку, предназначенную ему в супруги. Трое мужчин будят женщин, и между ними завязывается разговор, по ходу которого создаётся первобытный эльфийский язык. Спустя какое-то время все они, прогуливаясь, обнаруживают группу из 12 спящих эльфов. Имин, предстающий чуточку надменным и самонадеянным, неожиданно заявляет права на этих 12 как своих личных товарищей и спутников.

Все 18 эльфов знакомятся и узнают друг друга, прежде чем продолжить путь. Теперь они находят уже 18 спящих на земле эльфов, и Тата, следуя примеру Имина, объявляет этих 18 своими товарищами. Следующая группа состоит из 24 эльфов, на которых притязает Энель; а Имин решает поступить умно. Он пропускает свой черёд при следующих двух находках, полагая, что таким образом обретёт самую многочисленную группу эльфов. Так что Тата присваивает ещё 36 эльфов, а Энель – последних 48 из числа пробудившихся. И это всё: 144 эльфа в 72 парах.

Весь род эльфийский происходит от этих 144 Первых Эльфов.

Сопоставляя этот рассказ о Первых Эльфах (подкреплённый «Квенди и эльдар») с «Сильмариллионом», главой «О явлении эльфов и пленении Мелькора», мы обнаруживаем конфликт с несколькими привычными допущениями. Например, многие читатели полагают (вполне разумно, я думаю, – если опираться лишь на материал «Сильмариллиона»), что Ингвэ, Финвэ и Эльвэ могут быть старейшими из эльфов. Конечно, «Сильмариллион» этого на самом деле не утверждает. Но в повествовании они первыми среди эльфов названы по именам, и все они живы и действуют на момент, когда Оромэ понадобились трое простаков, чтобы показать им Аман.

Первые тома опубликованной Кристофером Толкином «Истории Среднеземья» как будто бы подтверждают идею, что трое эльдаринских королей могут быть старейшими из эльфов. Ингвэ не единожды назван первым пробудившимся. Ранние версии «Квента Сильмариллион» относят к первому поколению и Финвэ. Лишь статус Эльвэ сомнителен, поскольку у него есть брат, Олвэ – похоже, во всех вариантах мифологии, разработанных Толкином за много лет.

Однако годы шли, а Толкин переписывал, и перекомпоновывал, и редактировал различные тексты, составляющие «Сильмариллион» или служащие ему источниками – и истории эльфийских королей изменялись. Со временем упоминания об их пробуждении у Куивизнен стали неясными или оказались вовсе вычеркнуты. Семьи Ингвэ и Эльвэ были расширены. Ингвэ получил сестру, Индис, которая сделалась второй женой Финвэ. Затем она превратилась в «близкую родственницу Ингвэ», и наконец – дочь его сестры (4). А Кирдан и Эол были оба

названы родней Эльвэ (Тингола).

У Эола – своя запутанная история. Он перемещался из одного народа в другой, но в конце концов, похоже, «вернулся» в род Эльвэ. В «Квенди и эльдар» он на самом деле фигурирует как эльф-таття, один из авари, происходящих от «второго» народа. С другой стороны, Кирдан в нескольких местах назван одним из родичей Эльвэ (точное родство нигде не указано) (5). Есть также проблема Эльмо, «призрачного» младшего брата Эльвэ и Олвэ, который был дедом Келеборна (по одной из генеалогий).

Наличие братьев и сестёр определённо означает, что ни Эльвэ, ни Ингвэ не являются первыми эльфами. Строились теории, что имя Ингвэ, образованное от корня *инг-*, может всё-таки обозначать «первый» (хотя в «Этимологиях» оно переведено как «князь эльфов», а не «старейший» или «первый эльф»). Но считая повесть об Имине, Тате и Энеле канонической, мы должны принять, что ни Ингвэ, ни Эльвэ не могут принадлежать к первому поколению (6). Следовательно, имя Ингвэ скорее всего относится к его положению среди миньяр (и эльдар!), а не к признанию его «первым пробудившимся».

Случай Финвэ выделяется. У него нет ни братьев, ни сестёр, насколько это известно. С другой стороны, нет у него и супруги, пока он не женится на Мириэль Сериндэ. Первоначально Финвэ и Мириэль были названы женатыми для времени прежде, чем нолдор достигали Белерианда, и она умирала во время перехода через Хитаэглир (Мглистые горы). Это предание было отвергнуто, чтобы Феанор мог родиться в Амане. Однако перемещение места рождения Феанора в Аман ещё не означает, что Финвэ не принадлежит к первому поколению.

Надо сказать, что Мириэль – единственная серебряноволосая среди нолдор. А серебряные волосы вроде как считались отличительным знаком рода Эльвэ. Конечно, цвета волос у эльфов меняются часто – как имена хоббитов в ранних черновиках «Властелина Колец». Так, хотя многие полагают лишь ваньяр златоволосыми, есть немало примеров золотых волос у эльфов, не относящихся ни к ваньяр, ни к дому Финарфина. Возможно, серебряные волосы Мириэли заставили бы Толкина со временем задуматься, не связана ли она родством с Эльвэ, однако нет никаких признаков, что его размышления действительно достигли такой точки.

Так что за определением среды и обстоятельств Мириэли придётся обратиться к «Шибболету Феанора». В этой работе, изданной в «Народах Среднеземья» (7), отмечается, что сама Мириэль рождена в Валиноре. «Шибболет» указывает, что «Ингвэ» означает, более или менее, «вождь», и что ваньяр называли себя *ингверон*, «вожди», первые из эльфов. Формально они являются старейшей группой (по любому счёту). Ингвэ титуловался среди них как Ингвэ Ингверон, «вождь вождей». Ничто в этих именах не предполагает, будто Ингвэ первым пробудился у Куивиэнэн; но если только он не взял имя «Ингвэ» уже после выступления в Великий Поход, кажется разумным заключить, что он предводительствовал миньяр ещё тогда, когда Оромэ обнаружил их.

Очевидно, Финвэ принадлежал к более старшему поколению, чем Мириэль – ведь она родилась в Валиноре. Но поскольку Мириэль стала первой женой Финвэ, они не могут быть Татией и Татой, второй парой пробудившихся эльфов. Таким образом, мы практически установили, что никто из трёх эльдаринских королей не относится к Первым Эльфам. Сверх этого у нас мало

данных для умозаключений.

Ингвэ и Финвэ запросто могут быть эльфами второго поколения. Никакая литературная задача не требует, чтобы кто-то из них был отдалён от своих праотцев длинной родословной; нет и логичных причин полагать их особенно юными во время посещения Валинора. На самом деле, среди соплеменников они должны были считаться достаточно зрелыми для самостоятельной жизни, когда Оромэ избрал их посланниками к Валар.

В отличие от них, Эльвэ и Олвэ окружены всяческими родственниками. Их обширное семейство предполагает, что двое братьев принадлежат, самое раннее, к третьему поколению эльфов. Если мы принимаем, что Кирдан и Эол действительно состоят в родстве с Эльвэ и Олвэ, и в порядке допущения считаем их двоюродными братьями короля, то должно существовать ещё одно поколение: несколько братьев и сестёр, которые были бы их родителями. Будучи детьми в одной семье, эти родители тоже не могут считаться Первыми Эльфами. Или «не должны» – ведь некоторые читатели утверждают, будто в крупных группах эльфов *могли (?)* встречаться братья и сёстры.

Итак, если мы заключили, что Эльвэ и Олвэ не могут происходить из поколения более раннего, чем третье (для Ингвэ и Финвэ – второе), мы должны задать очевидный вопрос: что стало с первым поколением? Почему эльфами руководят эти парни, а не их родители?

Прежде всего, ниоткуда не следует, что Имин, Тата и Энель непременно являются предками Ингвэ, Финвэ и Эльвэ (и Олвэ). Но даже если четверо эльдаринских королей происходят из этих трёх первоначальных семейств, необходимо ли им быть старшими сыновьями старших сыновей?

Несмотря на сложную текстовую историю, «Сильмариллион» по большей части написан Дж. Р. Р. Толкином, и глава «О явлении эльфов» (одна из начальных) вполне «канонична». В ней мы видим, как Оромэ едва ли не наугад выбрал Ингвэ, Финвэ и Эльвэ среди переполненных ужасом эльфов. Однако, заглянув в чуточку более старый текст, «Анналы Амана», можно обнаружить: в прежней версии только эти трое (из эльфийских предводителей) *желали* отправиться с Оромэ в Валинор. В этом раннем рассказе фигурируют и другие вожди – Морвэ и Нурвэ, и они, похоже, возглавляют собственные народы. Но приходится признать: невозможно утверждать со всей ясностью, что в поздней концепции у верховенства Ингвэ, Финвэ и Эльвэ вообще *есть* соперники.

В любом случае, установив, что к началу Великого Похода у Куивизнен жило никак не меньше трёх поколений эльфов, – можем ли мы выяснить *верхний* предел для этого числа? Да, несомненно!

В «Законах и обычаях эльдар» (8) Толкин затрагивает тему взросления эльфов. Маленькие эльфы напоминают детей смертных в течение нескольких первых лет жизни, но к сроку, когда смертные достигают полного роста, эльфийские детёныши выглядят примерно на семь лет. В очерке утверждается, что эльфы взрослеют много медленнее смертных, достигая зрелости не раньше пятидесяти лет (иногда их рост продолжается и до возраста ста лет).

Кроме того, «Законы и обычаи» сообщают, что эльфы в большинстве своём вступали в брак вскоре после пятидесятилетия, и у них (во всяком случае, в мирное время) быстро начинали

рождаться дети. Но между рождением детей делались промежутки по несколько лет: так родители могли сосредотачиваться на нуждах каждого ребёнка в отдельности.

Благодаря сравнениям, которые Толкин проводит между детьми эльфов и смертных, можно не сомневаться, что речь здесь идёт о годах Солнца, а не годах Деревьев. Важно понимать это, поскольку «Анналы Амана», предоставляющие календарную систему и хроники, оперируют годами Деревьев. В «Кольце Моргота» даются два варианта пересчёта лет Деревьев в годы Солнца.

Я предпочитаю старое соотношение: 9,58 лет Солнца к 1 году Деревьев, – поскольку поздняя пропорция, приравнивающая 1 год Деревьев к 144 годам Солнца, совершенно несовместима с множеством других источников. Тот факт, что данный промежуток совпадает с продолжительностью *йен*, описанного в приложениях к «Властелину Колец», скорее всего означает, что при написании приложений Толкин не принимал во внимание другие тексты, в то время ещё не изданные – поскольку как раз занимался переделкой всей (неопубликованной) мифологии (9).

Наконец, в «Законах и обычаях» говорится:

По большей части эльдар сочетались браком в юности, вскоре по достижении пятидесяти лет. Детей у них рождалось немного, но те были им очень дороги. Их семьи, или дома, скреплялись любовью и глубоким чувством родства, духовного и телесного; и дети их мало нуждались в руководстве или обучении. Редко в каком доме появлялось более четырёх детей, и число это уменьшалось с течением веков. Но даже в стародавние дни, когда эльдар были малочисленны и жаждали прибавления своего рода, Феанор прославился как отец семерых сыновей; и история не хранит памяти, чтобы кто-нибудь превзошёл его.

Некоторые находят в данном отрывке свидетельство, что эльдар заводили менее четырёх детей в среднем; но Толкин написал: «редко в каком доме появлялось более четырёх детей». Как можно заключить, он имел в виду, что четверо детей не были редкостью – ведь если бы редко бывало более трёх детей в семье, он мог бы так и написать. Поэтому, если четверо детей в семье рождались достаточно часто, то, вероятно, среднее число детей (во всяком случае, в ранних поколениях) было ближе к четырём, нежели к трём (10).

Учитывая все эти моменты, мы способны прикинуть, насколько эльфы могли возрасти в числе за годы, предшествовавшие Великому Походу. Они пробудились в 1050 году Деревьев; эльдар покинули Куивизнен в 1102 году (11). Если за время продвижения сквозь Среднеземье у них и рождались дети, то, скорее всего, очень мало (хотя Великий Поход и продолжался много лет Деревьев). Так что Поход представляется подходящей точкой прерывания в расчёте роста эльфийского населения.

Далее, поскольку эльфы не заводили всех своих детей разом, было бы неразумно пытаться считать 50 лет средней продолжительностью поколения. Однако, продлевая промежутки между поколениями на более долгий срок, мы оказываемся перед другой трудностью: эльфов получается слишком мало. Согласно «Сильмариллиону», эльдар выступили в Великий Поход четырьмя «воинствами» (*hosts*). «Воинство» – это много народу. Толкин мог бы описать

данные группы эльфов словом «отряды» (*companies*), но вместо этого он решил называть их «воинствами». Следовательно, он подразумевает, что эти группы были многочисленнее «отрядов» – хотя и не определяет нигде обычного размера отряда.

Во всяком случае, Толкин, должно быть, намеревался создать у читателя впечатление, что в Великий Поход двинулись тысячи эльфов. Если принять попросту, что новое поколение эльфов рождается каждые 50 лет (Солнца), и в среднем каждая пара заводит примерно четырёх детей, ко времени Похода у нас получится почти 150 000 эльфов (12). По ряду причин это значение представляется чрезмерным, и не в последнюю очередь из-за того, что эльфы всё ещё не отваживались выбираться в большой мир на свой страх и риск. В то время их просто не могло быть так много.

Немало эльфов пропало в прошедшие годы. Эти исчезновения способны объяснить, как молодые эльфы вроде Ингвэ, Финвэ и Эльвэ могли достичь руководящего положения. Поэтому, даже если мы сойдёмся на алгоритме, дающем меньшую численность эльфов, Оромэ, вероятно, работал с ещё меньшим числом – поскольку у нас нет надёжного метода оценки доли погибших в каждом поколении.

Одним из способов оценить эльфийское народонаселение будет предположение, что эльфы женились и зачинали своих первых детей примерно в то же время, когда их родители заводили второго (третьего, четвёртого) ребёнка. Таким способом, ступенчато разбивая умножение эльфов в череде поколений, мы получаем значение поменьше, но всё-таки достигающее тысяч.

Как это выглядит на примере? Первые Эльфы составляли 72 пары. Каждая пара произвела на свет одного ребёнка. Будем предполагать равное распределение мальчиков и девочек. Тогда, пятьдесят лет спустя, 72 родительские пары и 36 пар второго поколения (составленных 72 первыми детьми) дадут жизнь 108 новым детям (72 детям нового «второго» поколения и 36 детям третьего поколения).

Ещё через пятьдесят лет в 72 парах первого поколения родятся третьи дети, 36 «старших» пар второго поколения заведут вторых детей, у 36 «младших» пар второго поколения появятся их первые дети, и 18 пар третьего поколения тоже произведут на свет первенцев (13).

Запутанно? Тогда скажем попросту, что эта модель даёт значение в 18 314 эльфов ко времени Великого Похода (14). Наконец-то мы получили сравнительно малочисленное население Куивиэнэн, которое при этом можно разбить на достаточно крупные «воинства».

«Квенди и эльдар» приводит соотношение эльдар и авари при разделении. Все миньяр сделали ваньяр. А именно, из каждых 144 эльфов примерно 14 были миньяр (ваньяр), 56 были татьяр, и 74 – нельяр. Ровно половина татьяр стала нолдор. Из нельяр 46 стали телери (а телери разделились на 20 телери-аманьяр и 26 – синдар и нандор).

Следовательно, ваньяр будет около 1 780, нолдор – около 3 560, и примерно 5 850 телери; не более. Первоначально телери делились на два воинства, возглавлявшихся Эльвэ и Олвэ, но Толкин не сообщает их численных пропорций. Нандор, которых увёл на юг Ленвэ, принадлежали к воинству Олвэ. Хотя никакие оценки не будут надёжны, в «Лесных эльфах Дикого-предикого Запада» (<http://middle-earth.xenite.org/2011/10/17/the-wild-wild-wood-elf-west/>) я предположил, что, возможно, за Эльвэ и Олвэ следовали 20 и 26 из 144 эльфов соответственно, и из народа

Олвэ приблизительно половина ушла с Ленвэ.

Где-то на заднем плане я продолжаю думать, что, пожалуй, за Ленвэ пошли только 8 из 144 эльфов, но разрази мне гром, если я найду указание на это. Поэтому продолжу опираться на «Лесных эльфов Дикого-предикого Запада» – для нашего вопроса разницы мало.

Итак, Ленвэ мог вести около 1 650 эльфов, и от них со временем произошли зелёные эльфы Оссирианда, нандор Эриадора и лесные эльфы (смешавшиеся по меньшей мере с одной группой авари – возможно, состоящей исключительно из авари нельяринского корня).

Олвэ в конце концов увёл 3 300 телери за Море (15).

Телери, оставшиеся в Белерианде, разделились на три ветви: народ Кирдана (фалатрим, наиболее многочисленные) (16), митрим и иатрим (народ Тингола в Дориате). На этом этапе определение числа белериандских телери становится делом бесперспективным, но ещё сохраняется надежда оценить численность народов Амана (17).

Крупнейшим среди них были нолдор, но позднее это положение изменилось. Сражение с телери в Алквалондэ сократило обе группы, а потом многие нолдор погибли в буре, поднятой Уинен, и затем ещё многие – в попытке пересечь Хелькараксэ. В лучшем случае нам удастся приблизительно прикинуть максимально возможное число аманских нолдор, которое не требует забить всю охотничью дичь Оромэ без разбора, лишь бы прокормить население.

Нолдор прибыли в Аман в 1133 году Деревьев, и жили в относительном спокойствии до 1495 года. Это 362 года Деревьев, то есть примерно 3468 солнечных лет. Можно придумать множество разных формул, замедляющих или приостанавливающих умножение эльфов; но факт тот, что в Амани у них было полно времени. Едва ли не единственный разумный способ снизить темпы их прироста лежит в «Преображённых мифах» (18), в эссе (написанном спустя годы после других текстов, на которые мы опираемся), где Толкин сообщает, что долгое аманское время *казалось* пролетающим столь же быстро, сколь и краткое время Среднеземья.

Речь о том самом эссе, где он приравнивает валианский год (год Деревьев) к 144 годам Солнца. Пренебрегая расхождением в соотношении летоисчислений и попросту считая, что эльдар может потребоваться *по-настоящему* долгое время, чтобы достичь зрелости в Амани, мы можем заключить, что имеем дело лишь со 362 «годами» размножения эльфов. Почему? Потому что за 3500 лет эльфийские младенцы образуют население невероятных размеров (19). Нолдор захлестнули и погребли бы Ангбанд без всяких трудностей.

Но 362 года Деревьев дают лишь 8 дополнительных циклов увеличения. В общей сложности, мы получаем 19 поколений нолдор, ваньяр и аманских телери (но не 19 поколений эльфов!). Численность нолдор ко времени их восстания оказывается близкой к 130 000 (20). Десять процентов (13 000) не пожелали идти в изгнание. Ещё некое неопределённое число вернулось позже с Финарфином. Из чистой самоуверенности положим, что примерно 1/2 восставших нолдор следовала за Финголфином, 1/4 шла за Феанором, и оставшаяся 1/4 – за Финарфином.

Допустим, Финарфин и половина его эльфов повернули назад? Остаются 7/8 непокорных (за вычетом потерь в сражении и буре), продолжающих спешный бег в изгнание. Разумеется, почти любой набор чисел сгодится; но похоже, что при 130 000 нолдор к началу

восстания, менее чем 100 000 достигнут Среднеземья (21).

Там, в Белерианде, они обнаружат, что синдар (митрим, фалатрим и иатрим) и зелёные эльфы превосходят их численно (на какую-то смехотворную величину, не стоящую вычисления, поскольку к тому времени эти народы тоже понесут потери – из-за Морготова вторжения) (22).

На протяжении последующих 500 лет Солнца (приблизённо) нолдор продолжают возрастать в числе, претерпевая лишь редкие отступления. Их популяция значительно превысит 1 000 000 эльфов (23).

Разумеется, как только заходит речь о сотнях тысяч эльфов, люди принимаются поднимать руки и спрашивать – «Позвольте! А как же Тургоновы десять тысяч?». В самом деле, Тургон привёл десять тысяч бойцов на Нирнаэт Арноэдиад. И он, по общему мнению, забрал третью часть народа Финголфина, когда основал город Гондолин. Десять тысяч не кажутся большим войском рядом с теми огромными массами эльфов, о которых мы говорим.

Но где сказано, будто Тургон привёл из Гондолина *всех* воинов? Он вправду лишил город всех защитников? Мне представляется, что Гондолин был всё же хорошо защищён. Нолдор уже понесли страшные потери в Дагор Браголлах. Дортонион был потерян, долина Сириона разорена, а сыновей Феанора на время выгеснили с их земли. Майдрос сумел вернуть утраченные владения, но не собрал всех нолдор на свою сторону. Ородрет отказался присоединиться к Союзу Майдроса, а Ородрет предположительно правил одним из крупнейших королевств Белерианда, если не *самым* крупным. Выходит, Тургоновы десять тысяч бойцов вовсе не означают, будто нолдор ко времени Нирнаэт было меньше миллиона (24).

Что ж, числа довольно случайны – обоснованы лишь настолько, чтобы, играя с ними, ещё можно было назвать это изучением Толкина и Среднеземья. Но как бы вы ни исчисляли вереницу поколений, нолдорское население Белерианда получается огромным, а синдарское было ещё больше. Поэтому когда толкиновский Моргот берёт реванш у эльфов и легионы орков устремляются вглубь страны, опустошение превосходит всё, что случалось в реальной истории до наполеоновских войн. Наверное, оно было даже хуже, чем сами наполеоновские войны (25). Достижения эльфийской цивилизации в Белерианде кажутся хрупкими, но лишь потому, что перед глазами у нас всего одна карта, выполненная Кристофером Толкином, и городов на ней обозначена едва ли дюжина.

Теперь представьте карту Европы, где были бы отмечены всего две дюжины городов. Какой малонаселённой и пустующей показалась бы земля кому-то, изучающему такую карту! Только мы-то знаем, что к чему. Много или мало было городов и селений, не упомянутых в повести, но эльфов была *масса*. С учётом этого вовсе не кажется странным, что Эарендилль дошёл до такого отчаяния, чтобы оставить жену и детей, и проводить в море годы, надеясь донести до Валар мольбы эльфов и людей.

Также и свершения Моргота предстают соответственно более ужасающими и ввергающими в трепет. Он уничтожил по меньшей мере пару миллионов эльфов. Целая уйма вторичной творческой силы, направленной против него. Отчасти проясняет масштаб событий, верно?

Примечания переводчика

(1) «Война Камней» (*The War of the Jewels*), XI том «Истории Среднеземья».

(2) Строго говоря, есть ещё одно (всего одно!) конкретное указание на численность если не эльфов в целом или одного из их народов, то хотя бы войска: известно, что Тургон привёл на Пятую Битву десять тысяч воинов. Мартинез далее рассматривает этот эпизод. К сожалению, из такого изолированного точечного значения, не имея ни параллелей с остальными королевствами эльфов, ни временной динамики, практически невозможно вывести никаких обобщений. Необходимо знать мобилизационную способность, уровень рождаемости, соотношение с другими народами по численности и т.д. Таких данных нет. Доблестную попытку преодолеть все эти трудности предпринял Ринглин в статье «Численность эльфов в Дни Древ и в Первую эпоху» (<http://tolkien-study.org/index.php/article-collection/214-ringlin-demography>). Отталкиваясь от числа воинов Тургона, сражавшихся в Нирнаэ, Ринглин определил численность холдор в Тирионе перед Исходом и у Куивизнен. Разумеется, при видимом обилии ссылок на источники подобный расчёт всё равно покоится на множестве произвольных допущений: о плодовитости (со ссылкой на «Законы и обычаи эльдар», текст – по внутренней хронологии – поздний, и с прямым отказом от *утверждений* текста в пользу неких положений, которые текст будто бы «даёт понять»), о продолжительности поколений (строится исключительно на основании данных о детях Финвэ, как если бы его уникальная семейная жизнь могла служить типичным образцом), доли детей и подростков в населении (произвольно сочтена «небольшой», а в расчётах вовсе не учитывается, т. е. приравнена к 0%), мобилизационной способности (задана произвольно в 80-100% от взрослого мужского населения). На фоне этого последнего момента меркнут даже забытые авари «второго клана» и отсутствующий прирост численности эльфов за 50 лет Деревьев (!), проведённых у Куивизнен.

В самом деле, нельзя же весь народ «поставить под копыё», даже если очень стараться. А сколько можно? В войнах Средневековья и архаики мобилизационный потолок, достигаемый лишь сверхнапряжением всех общественных сил, оценивается для оседлых народов в 5-10% (от общей численности населения, включая женщин, детей и стариков); для кочевых он варьируется, но при очень качественной организации может равняться 20% (что случалось один раз в истории). Но такие значения – это эксцессы; а в реальной Битве при Креси, одном из важнейших сражений Столетней войны, численность французской армии не достигала и 1% от населения страны. Причины достаточно прозрачны: во-первых, кому-то надо и работать; во-вторых, воины исключаются из экономики лишь как производители, но не как потребители; в-третьих, вооружение и экипировка тоже стоят дорого (в пересчёте на временные трудозатраты). Последнее особенно важно для войска Тургона в Нирнаэ – насколько можно понять по описанию, вооружено и подготовлено оно было превосходно.

Разумеется, всё это верно для обществ доиндустриальных. Научные знания холдор и достижения их мастерства подсказывают, что к этому народу могут быть более применимы мерки Европы XIX-XXI вв. Но и здесь для «тотальных» войн вроде наполеоновских или Первой и Второй мировых мобилизуется, как правило, не больше 10-15% населения. Рекордным значением в 25% отличился нацистский Рейх; но это стало возможным лишь в условиях экономического ограбления завоёванных стран Европы и при использовании рабского труда

миллионов перемещённых иноземцев на территории самой Германии. Нолдор не располагали такими возможностями.

Если же говорить особо о Гондолине, то мобилизационная способность в нём должна быть ниже, чем в других королевствах нолдор: именно тайна и устранение военной угрозы позволили Тургону превратить город в подобие Тириона на Туне – т. е. восстановить в Среднеземье искусства и ремёсла периода расцвета. Гондолин – единственное владение нолдор-изгнанников, где квеня оставалась разговорным языком. В других владениях «язык знаний» сделался «языком книг» – знания были меньше востребованы в повседневной практике.

(3) Стоит специально отметить: в тексте «Квенди и эльдар» лишь упоминается «легенда, сохранившаяся в почти идентичной форме у эльфов Амана и синдар», но она не приведена! «Сказочка», размещённая Кристофером Толкином в приложении к тексту, взята из отдельного источника. О «легенде» не говорится, будто она является лишь считалкой или историей для детей; отсюда можно заключить (как делает и Кристофер), что «сказочка» – лишь форма представления данной легенды, один из способов или примеров использования её сюжета в эльфийском фольклоре. Насколько «заметна» легенда вне этой сказочки? «Миньяр», «татьяр» и «нельяр» являются, судя по основному тексту, настоящими древними названиями трёх кланов/народов, а пропорции разделения на эльдар и авари, аманьяр и среднеземских синдар (и нандор) в историко-лингвистических исследованиях нолдор указаны как доли от 144. Всё это указывает на существование преданий об Имине, Тате и Энеле, а также на силу представления о 144 Первых Эльфах: даже в научных изысканиях это число автоматически используется как метафора эльфийского рода. Очевидно, что оно имеет глубочайшее значение в общеэльдаринской культуре, и не может *происходить* из «детской считалки»: скорее считалка возникла на основе «взрослого» фольклора.

(4) Источником версии об Индис – «дочери сестры короля Ингвэ» – является «Шибболет Феанора» из XII тома «Истории Среднеземья». Имя матери Индис не названо.

(5) Кирдан назван родичем Олвэ («и, следовательно, также родичем Эльвэ») в тексте «О Глорфинделе, Кирдане и других вопросах» из «Последних работ» в XII томе «Истории Среднеземья». Формулировка заставляет задуматься, было ли это родство генетическим или социальным; ответ даёт раздел «Синдар» в «Квенди и эльдар» (XI том). Там говорится, что

волосы самого Эльвэ взаправду были прекрасны и длинны, серебряного оттенка, но это не похоже на типичную для синдар черту – хотя и встречается среди них время от времени, особенно у близкой или дальней родни Эльвэ (как в случае Кирдана).

Следовательно, родством Кирдана и Эльвэ обусловлены некоторые общие черты внешности: оно имело генетический характер. И было, похоже, «отдалённым». То есть ещё до Великого Похода у Эльвэ были *отдалённые* родственники (тот факт, что Кирдан прожил часть сознательной жизни у Куивизэнен, вытекает из примечания 29 к тексту «О Глорфинделе, Кирдане и других вопросах»). Каким может быть это родство? Если бы Кирдан был сыном, племянником или внучатым племянником Эльвэ, это наверняка оказалось бы упомянуто (как в случае Келеборна). Значит, родство более дальнее: Кирдан может быть, например, *двоюродным*

племянником, т. е. сыном двоюродного брата или сестры. Но это подразумевает наличие у Эльвэ как минимум двух предковых поколений: у него были бабушки и дедушки.

(6) Согласно легенде, Первые Эльфы просыпались парами: супруги были суждены друг другу изначально. Это верно не только для Имина и Иминье, Тагы и Татигэ, Энеля и Энелье, но для всех. Следовательно, Первые Эльфы не бывали холостыми, а любой эльф, впервые сочetaвшийся браком в историческую эпоху, не может быть Пробудившимся.

(7) «Народы Среднеземья» (*The Peoples of Middle-Earth*), XII том «Истории Среднеземья».

(8) Текст, опубликованный в «Кольце Моргота» (*Morgoth's Ring*), X томе «Истории Среднеземья».

(9) Попытка использовать хронологию «Анналов Амана» в сочетании с идеей о соответствии 1 года Деревьев 144 годам Солнца породила бы чудовищные коллизии. Например, путь от Куивизнен до морских берегов Белерианда занял бы 2880 «лет Солнца». Что ещё хуже, серьёзно нарушилась бы синхронизация событий в Амане и Среднеземье после гибели Деревьев и до возвращения нолдор (эти события отмечаются в хрониках по годам Деревьев, хотя те были уже мертвы, а цикл их свечения больше не мог применяться для измерения времени): за два года Деревьев, прошедшие от выступления из Тириона до высадки Феанора в Лосгаре, в Белерианде прошло бы 288 «лет». Это фактически разрушает образность войн синдар и нолдор с Морготом: Толкин вполне ясно показал и неоднократно сообщал прямо, что оборона синдар быстро разрушалась, и лишь появление нолдор позволило остановить и отбросить ангбандские орды. Наконец, сравнительно краткий и не заполненный событиями период неустойчивого равновесия в Среднеземье (от Битвы-под-Звёздами до прихода Финголфина) получил бы продолжительность 432 «года» (причём воспринимаемых феанорингами, синдар и Морготом именно так, поскольку все они находились в Среднеземье). Ясно, что под идею о 144 годах Солнца в 1 годе Деревьев хронологию пришлось бы переписывать начисто.

(10) Думаю, автор статьи не совсем прав: он пишет так, будто всё, что не слишком часто – уже редко. Но возможна и средняя частота: не часто и не редко. Текст позволяет заключить лишь (в духе рассуждений Мартинеза), что семьи с четырьмя детьми не были редки сравнительно с семьями с тремя детьми. Значит, они *могли* встречаться и одинаково часто, а правильная оценка среднего числа детей в семье эльдар может оказаться в промежутке от 3,5 до 4 (может быть и больше 4, т. к. семьи с 3-мя детьми *могли* быть редки).

(11) Здесь Мартинез ошибся: в «Анналах Амана» 1102 – это год, когда Ингвэ, Финвэ и Эльвэ втроем были доставлены в Аман. Великий Поход начался в 1105 году. Мартинез и далее использует дату «1102 год» и в комментариях. Я поступлю так же – чтобы не усложнять изложение.

(12) Насколько можно понять, Первые Эльфы пробудились уже взрослыми (и в предварительно сформированных парах). Здесь Мартинез, по-видимому, исходит из допущения, что за следующие 50 лет Солнца они дают жизнь первому поколению рождённых, а те, в свою очередь, обзаведутся детьми примерно к 1060 году Деревьев. Учитывая, что прежние поколения, произведя на свет в среднем по четыре ребёнка, не участвуют в дальнейшем размножении, мы получим такую картину для численности каждого нового поколения:

1050 году Деревьев (году Пробуждения), и 12 456 эльфов на 11-м шаге в 1102 году – в начале Великого Похода (опять-таки, включая младенцев). Это даже не потолок, а оценка сверху, заведомо завышенная! Непонятно, каким образом Мартинез пришёл к значению в 18 314 эльфов (см. текст статьи далее).

(14) Как я показал выше, это невозможно. Модель Мартинеза достаточно сложна – вероятно, он допустил ошибку где-то в вычислениях. На самом деле точный подсчёт по его модели даёт 6 877 эльфов к 1102 году (из них 5 059 взрослых):

Год Деревьев	1050,0	1055,2	1060,4	1065,7	1070,9	1076,1	1081,3	1086,5	1091,8	1097,0	1102,2
Уже было 4 детей	0	0	0	0	144	216	324	486	729	1022	1424
Ещё не было 4 детей	144	216	324	486	585	806	1100	1488	1990	2692	3635
Новорождённые	72	108	162	243	293	403	550	744	995	1346	1818
СУММА	216	324	486	729	1 022	1 424	1 974	2 719	3 713	5 059	6 877

Но это не значит, что такую оценку и нужно принимать. Возможны различные варианты. Оценкой сверху может служить, видимо, значение в 147 тысяч взрослых эльфов к 1102 году (полученное для простой модели 50-летних поколений с 4-мя детьми в семье). Мартинез пишет, что при увеличении продолжительности поколения эльфов становится слишком мало. Действительно, если задать длительность поколения в 80 лет, мы получим всего 9 072 взрослых квенди к началу Похода (включая аварии). Конечно, это неправдоподобно. Но это означает также, что результирующее значение может варьироваться между данными величинами в зависимости от предполагаемой длины поколения. Например, для 70-75 лет это будет 18 288 взрослых эльфов, что очень близко к значению, полученному Мартинезом – которое он использует далее по тексту статьи. Кроме того, можно заложить в модель другие значения плодовитости. Если использовать минимальное (3,5 ребёнка) с поколением в 50 лет, то результат – 51,5 тысячи взрослых эльфов.

Да и хитрая модель Мартинеза поддаётся коррекции: её можно дополнительно усложнить, полагая промежуток между рождениями детей в родительской паре не в 50, а в 25 лет. Тогда первые внуки у Пробудившихся появляются в одно время не со вторыми, а с третьими детьми; на момент рождения вторых детей первые будут на верхней границе детства с отрочеством, и приобретут полезный опыт заботы о младших сёстрах и братьях. Это ускорит репродукцию и даст значение в 21 825 эльфов к интересующему нас сроку (из них 14 420 взрослых, 3 324 подростка в среднем возрасте 25 лет Солнца, и 4 082 младенца):

Год Деревьев	1050,0	1052,6	1055,2	1057,8	1060,4	1063,0	1065,7	1068,3	1070,9	1073,5	1076,1
Уже было 4 детей	0	0	0	0	144	144	216	288	396	540	666
Ещё не было 4 детей	144	144	216	288	252	396	450	576	693	837	1058
Дети / подростки	0	72	72	108	144	126	198	225	288	347	419
Новорождённые	72	72	108	144	126	198	225	288	347	419	529
СУММА	216	288	396	540	666	864	1 089	1 377	1 724	2 142	2 671

Год Деревьев	1078,7	1081,3	1083,9	1086,5	1089,1	1091,8	1094,4	1097,0	1099,6	1102,2
Уже было 4 детей	864	1089	1377	1724	2142	2671	3310	4101	5067	6256
Ещё не было 4 детей	1278	1582	1933	2377	2925	3585	4408	5410	6648	8164
Дети / подростки	529	639	791	966	1189	1463	1792	2204	2705	3324
Ново- рождённые	639	791	966	1189	1463	1792	2204	2705	3324	4082
СУММА	3 310	4 101	5 067	6 256	7 718	9 510	11 715	14 420	17 743	21 825

Легко видеть, что на данном этапе можно получить различные значения. Их допустимо почти произвольно варьировать (в рамках разумного), и кажется правильным подходом делать это с вниманием к проистекающим из них будущим оценкам вероятной численности эльдар к началу Войны Камней. Учитывать в данной работе сокращение рождаемости в период мелькоровского террора и Войны Сил, а также правильную толкиновскую датировку Великого Похода, представляется чрезмерным.

(15) Вероятно, описка. Олвэ увёл за Море около 20 эльфов из каждых 144, что в рамках подсчётов Мартинеза даёт не 3 300, а 2 540.

(16) Не могу припомнить, откуда следует, что фалатрим – наиболее многочисленный из синдарских народов.

(17) Оценить численность дориатрим, фалатрим и митрим по отдельности и впрямь не представляется возможным. Однако прикидки Мартинеза дают нам общее число синдар после ухода Олвэ близким к 1 650. По идее, это позволяет рассчитать их будущее народонаселение. Здесь, однако, возникает проблема (с которой Мартинез сталкивается на примере нолдор): от возвращения Эльвэ к своему народу до Первой Битвы проходит 345 лет Деревьев, т. е. 3305 «солнечных». Это очень продолжительное время! Численность человечества за аналогичный промежуток возросла более чем в 500 раз, а если учитывать ещё и все поколения этого периода, всех людей, родившихся и умерших за это время – будет гораздо больше. У эльфов естественной смертности нет... Даже в медленной модели Мартинеза свободная репродукция белериандских синдар даст 67 поколений и совершенно нереальную численность. Вероятно, как и с людьми в реальной истории Земли, размножение может ограничиваться экономическими, территориальными и экологическими факторами; но оценить их в данном случае крайне сложно.

(18) Текст, опубликованный в «Кольце Моргота» (*Morgoth's Ring*), X томе «Истории Среднеземья».

(19) С такими исходными данными: 3 560 эльфов на «старте», почти три с половиной тысячи лет, достижение зрелости и рождение первого ребёнка в возрасте 50 лет, в среднем четыре ребёнка на пару, промежуток в 50 лет между рождением детей, практически полное отсутствие смертности – ко времени гибели Деревьев речь должна идти о сотнях миллиардов нолдор. Какие-то допущения необходимо скорректировать, определёнno.

(20) Похоже, здесь мы сталкиваемся с такой же ошибкой в подсчётах Мартинеза, что и в случае кувизненского населения перед Великим Походом. Его собственный алгоритм (с поправками, позволяющими привести численность разных возрастных групп к его суммарной

оценке) даёт меньший результат, чем он называет. В данном случае, при продолжительности цикла в 50 лет Деревьев, число тирионских нолдор к 1495 году оказалось бы между 40 и 50 тысячами:

Год Деревьев	1133	1183	1233	1283	1333	1383	1433	1483	1533
Уже было 4 детей	1017	1046	1926	2629	3560	4832	6544	8853	11966
Ещё не было 4 детей	2543	3426	4618	6224	8406	11337	15293	20630	27832
Новорождённые	1272	1713	2309	3112	4203	5668	7646	10315	13916
СУММА	4 832	6 544	8 853	11 996	16 168	21 837	29 483	39 798	53 714

Однако это не значит, будто численность нолдор действительно нужно занижать до таких величин. На самом деле использованный Мартинезом приём для «замедления или приостановки» демографического прироста калаквенди поистине радикален: он сокращает репродуктивное время аманских эльфов почти в 10 раз! Результат, полученный таким методом, следует принимать за абсолютный, предельный минимум. Адекватные оценки численности нолдор перед Исходом могут быть на 1-2 порядка больше – т. е. измеряться в сотнях тысяч или миллионах. Важно отметить, что идея «иночного течения времени» в Амане, подразумевающая достижение биологической зрелости среднеземскими эльфами за 50, а аманскими – за 479 «солнечных» лет, плохо согласуется с конкретными датами исторических событий, указанными в «Анналах Амана». Так, например, свадьба Финвэ и Индис состоялась в 1185 году, а Финголфин родился в 1190; у него есть и старшая сестра – Финдис. Получается, вопреки «Законам и обычаям», что двое детей родились у одной пары на протяжении короткого периода в 5 лет («биологических»). Со схемой Мартинеза, разделяющей рождение детей 50-летними перерывами, это вовсе несовместимо (впрочем, данная схема – весьма условная математическая модель, отражающая статистические свойства больших групп, а не частные случаи). Другой проблемой при использовании идеи «неравного времени» остаётся демография синдар в Белерианде: их репродуктивное время до возвращения нолдор становится почти в 10 раз продолжительнее, что делает их численность больше *в миллионы раз*. Подобный результат не лезет ни в какие ворота и не может быть сколько-нибудь значимо скомпенсирован экономическими факторами (вроде увеличения среднего числа детей у нолдор или удлинения поколений у синдар). Поэтому «замедлять или приостанавливать» репродукцию аманьяр лучше как-то иначе.

(21) Основная составляющая этой разницы – оставшиеся или вернувшиеся с полпути нолдор: у Мартинеза общим числом порядка 27,6 тысяч.

(22) Величина действительно смешная: если пользоваться идеей разного течения времени в Среднеземье и Амане, то при одинаковой с аманскими нолдор репродуктивной схеме синдар за отпущенные им 3 300 «лет» достигнут численности более чем в 800 миллиардов.

(23) Если продолжать расчёты с 50, а не 130 тысячами нолдор и считать, что с возвращением в Среднеземье биологическое время нолдор ускоряется, а «цикл», начавшийся в 1483 году Деревьев, завершается в 33 году Солнца (последующие же циклы составляют по 50 солнечных лет), то к 433 году мы получим 590 тысяч нолдор (включая около 150 тысяч младенцев), а к 483 году, если бы не было военных потерь, тягот и лишений – почти 796 тысяч

нолдор (младенцев из них – более 205 тысяч). Это близко к миллиону, но всё-таки меньше – и всё это не считая оставшихся в Тирионе. Однако учитывая тот факт, что сама оценка первоначальной численности пришедших из-за Моря нолдор у автора статьи серьёзно занижена идеей «иногое времени», с этим его выводом можно согласиться. Другой вопрос – какими на самом деле следует считать темпы прироста населения у нолдор-изгнанников в «мирный» период...

Мартинез, как и Ринглин, исходит из допущения о «нормальной» рождаемости у белериандских нолдор. Однако во времена войн и бедствий эльдар обычно стараются воздерживаться от заведения детей; и на Севере даже во время Осады угроза должна была ощущаться (так как время от времени происходили мелкие нападения из Ангбанда). Можно предположить, что рост численности нолдор в Белерианде был не слишком велик, и если мы обнаруживаем большое их число ко времени крушения Осады, это означает, что и в Исходе их участвовало немало.

(24) Если считать, как делает Мартинез, что 4/7 нолдор-изгнанников составил народ Финголфина, третья часть его ушла в Гондолин, мужчины – это половина популяции, а среди них 2/3 вошли в возраст, то мы получим, что взрослое мужское нолдорское население Гондолина могло составлять 6,35% общей численности белериандских нолдор. Считаем Гондолин наполовину синдарским... хотя по «Серым Анналам» доля синдар там была больше; впрочем, по тексту «Глорфиндель» из «Последних работ» в «Народах Среднеземья» – напротив, синдар там почти не было. Приняв общую численность нолдор перед Нирнаэт равной миллиону, приходим к оценке числа взрослых мужчин-гондолиндрим в 127 тысяч эльфов (нолдор и синдар). Если не принимать популярных фантастических оценок мобилизационной способности эльфов как близкой к 100%, надо признать, что выставить в таких условиях 10 тысяч бойцов – это нормально, особенно если какое-то число, хотя бы 5 тысяч хуже вооружённых, Тургон оставил для защиты города. Это означает мобилизацию 12% взрослых мужчин, или 4% населения. Если полагать город почти исключительно нолдорским, как утверждается, будто о чём-то известном, в «О Глорфинделе, Кирдане и других вопросах», эти значения возрастают вдвое. Учитывая прекрасную оснащённость армии и «мирный» характер гондолинского уклада – неплохое достижение.

(25) Загадочное сравнение. Конечно, войны революционной Франции и наполеоновские оказались много более жестокими, чем «цивилизованные», джентльменские конфликты XVIII века. Американцы, возможно, придают этому повышенное значение из-за того, что в ходе наполеоновских войн англичане сожгли Вашингтон. Но XVIII век был короток. А уже в XVII веке мы обнаруживаем Тридцатилетнюю войну, в ходе которой население немецких княжеств сократилось вчетверо; тем паче наполеоновские войны невозможно сравнивать с десятилетиями какого-нибудь Цезаря (не говоря о Тамерлане).

(Доклад, прочитанный на конвенте толкинистики «ВесКон»,
22–24 февраля 2019 г.)

Прежде чем начать говорить об изящном искусстве как таковом, я думаю, следует определиться с четкой терминологией и сферами, которые включают в себя изящное искусство.

Википедия обозначает его следующим образом:

Изящные искусства – общий термин для обозначения таких видов искусства, как живопись, скульптура, архитектура и музыка. Впервые был закреплён Шарлем Батё во второй половине XVIII века за жанрами и видами искусств, которые с эстетической точки зрения были ориентированы на создание красоты в отличие от декоративно-прикладных искусств. [1]

Таким образом, мы можем выделить четыре главных отрасли, и в рамках доклада добавить к нему пятаю, которая касается эстетики. Думаю, для лучшего понимания следует начать именно с нее.

1. Эстетика

Само понятие эстетики искусства включает в себя пять парных категорий. Категории были взяты (для базового понимания) из Википедии [1]:

- прекрасное – безобразное
- возвышенное – низменное
- трагическое – комическое
- поэтическое – прозаическое
- глубокое – поверхностное.

К сожалению, когда мы говорим о конкретном регионе в мире Толкина, здесь сложно выделить что-то уникальное. Причина проста: свет и тьма в текстах Профессора обладают достаточно четкими чертами для одной и другой стороны, и если мы будем говорить о Валар, эльфах и непадших людях – понятия прекрасного, возвышенного и т.п. у них будут если не близки, то совпадать по «вектору движения».

По этой причине рассматривать эстетику в рамках общей терминологии невозможно, и необходимо рассматривать отдельные детали, характерные в текстах именно для Гондора. Я бы выделил два момента – во-первых, самый яркий – это цветовую гамму, а, во-вторых, отнес бы к этой категории другой интересную деталь, а именно: как изменяется ощущение от Минастирита после некоего «возвращения к истокам», то есть к верности Эру.

А) Цветовая гамма

Первое, что вспоминается в отношении Гондора – это, конечно же, строгий черно-серебряный, который превалирует и в одежде стражников Цитадели [2], и в архитектуре, когда Гэндальф и Пиппин заходят в тронный зал [2], и даже в изделиях, которые относятся к церемониальным – например, ларец, в котором хранилась Корона (*a great casket of black lebethron bound with silver*) [2].

Также можно отметить, что все украшения очень сдержанны: корона Гондора отделана серебром, перламутром и бриллиантами – то есть, цветовая гамма сохраняется даже когда речь идет о предметах, которые должны олицетворять величие.

По виду она напоминала шлем гвардейцев Башни, но была выше и белого цвета; по бокам на ней блестели чайчьи крылья из серебра и перламутра, ибо таков был родовой герб Королей Из-за Моря. Семь бриллиантов сверкало на ободке короны, а на самой верхушке горел еще один, яркий как пламя.

[It was shaped like the helms of the Guards of the Citadel, save that it was loftier, and it was all white, and the wings at either side were wrought of pearl and silver in the likeness of the wings of a sea-bird, for it was the emblem of kings who came over the Sea; and seven gems of adamant were set in the circlet, and upon its summit was set a single jewel the light of which went up like a flame] [2]

Б) Возвращение к Эру как эстетическая составляющая описаний в текстах

В данном случае я считаю справедливым связывать Нуменор и Гондор, поскольку последний всегда напоминал своего прародителя, о чем говорится, к примеру, в изданном «Сильмариллионе»:

На юге выстояло королевство Гондор, и до поры росло его величие, пока богатством и великолепием не стал Гондор напоминать Нуменор до его падения.

[In the south the realm of Gondor endured, and for a time its splendour grew, until it recalled the wealth and majesty of Númenor ere it fell.] [5]

Для лучшего понимания, о чем идет речь, я бы начал со следующей детали, упоминаемой в описании Нуменора из «Неоконченных преданий». Мы можем прочесть, каким образом происходило восславление Эру на Менельтарме:

В эти дни государь поднимался на гору пешком, а за ним в молчании следовала огромная толпа людей – все в белом, в венках из цветов.

[At these times the King ascended the mountain on foot followed by a great concourse of the people, clad in white and garlanded, but silent.] [4]

Важны два аспекта: белый цвет одежд и отсутствие упоминания иных украшений, кроме цветов.

Также мы помним, что Нуменор до его падения был во всех смыслах цветущим островом, поскольку «Йаванна одарила плодородием, эльдар же украсили остров фонтанами и цветами, привезенными с Тол Эрессеа» (*it was ...enriched by Yavanna; and the Eldar brought thither flowers and fountains out of Tol Eressëa*) [5], а также эльфы «привозили в Нуменор бесчисленные дары: певчих птиц и благоуханные цветы, и травы с чудесными свойствами» (*many gifts: birds of song, and fragrant flowers, and herbs of great virtue*) [5].

А если мы заглянем в «Утраченный путь», то увидим, что сады и цветы являются как бы частью повседневной жизни нуменорцев (думаю, эта та категория информации о мире, которую можно считать неизменной вне зависимости от версии текста).

Он вышел на плоскую площадку, которую нарочно разровняли на вершине уступа скалы. Там можно было полежать на солнце, или посидеть на широкой каменной скамье у скалы, по которой ниспадал водопад лиан с гирляндами синих и серебристых цветов.

[He came out upon a flat space smoothed and levelled on the top of the projecting spur of rock. Here there was room to lie in the sun, or sit upon a wide stone seat with its back against the cliff, down the face of which there fell a cascade of trailing stems rich with garlands of blue and silver flowers.] [3]

В контексте этого очень символичным кажется то, что в Минас-Тирите на момент окончания осады почти не осталось зелени – он потерял яркие краски. Единственное место, где во всем городе остались деревья – это Чертоги Исцеления:

Это были светлые и прекрасные здания, предназначенные для ухода за страждущими. Сейчас Обитатели готовились принять с поля боя раненых и умирающих. Стояли эти дома недалеко от ворот Цитадели, у южной стены шестого яруса. Вокруг цвел сад и зеленели поросшие деревьями лужайки – это были единственные деревья на весь огромный город.

[Now at last they passed into the high circles of the City, and in the light of morning they went their way towards the Houses of Healing; and these were fair houses set apart, for the care of those who were grievously sick, but now they were prepared for the tending of men hurt in battle or dying. They stood not far from the Citadel-gate, in the sixth circle, nigh to its southward wall, and about them was a garden and a greensward with trees, the only such place in the City.] [2]

Но еще во время коронации Арагорна мы видим, что в Минас-Тирит наконец-то возвращаются цветы:

Город вновь наполнился женщинами и радостно щебечущими детьми, вернувшимися в свои дома с охапками цветов.

[And the City was filled again with women and fair children that returned to their homes **laden with flowers.**] [2]

Запели все трубы, и Король Элессар приблизился к Воротам. Хьюрин, Хранитель Ключей, отодвинул заграду – и, под звуки арфы, скрипок, флейт и чистых, звонких голосов, поющих хвалу, Король вступил на выложенные цветами улицы

[And in that moment all the trumpets were blown, and the King Elessar went forth and came to the barrier, and Húrin of the Keys thrust it back; and amid the music of harp and of viol and of flute and the singing of clear voices the King **passed through the flower-laden streets.**] [2]

А впоследствии мы видим возрождение тех же предметов, которыми отличался Нуменор в период своего расцвета и которыми одарили этот остров эльдар – деревья и фонтаны:

При Короле Город был отстроен заново, да так, что он сделался прекраснее, чем когда-либо, не исключая пору своего первого расцвета. На площадях забили новые фонтаны, вдоль улиц зазеленели деревья. Ворота для Столицы выковали из стали и мифрила, а мостовую устлали белым мрамором. Много потрудились над украшением столицы Горное Племя; с радостью гостил здесь и Лесной Народ.

[In his time the City was made more fair than it had ever been, even in the days of its first glory; and it was **filled with trees and with fountains**, and its gates were wrought of mithril and steel, and its streets were paved with white marble; and the Folk of the Mountain laboured in it, and the Folk of the Wood rejoiced to come there.] [2]

2. Живопись

Относительно гондорской живописи информация не просто скудная, а, на мой взгляд, катастрофически отсутствующая. Единственное упоминание, которое мне удалось найти, содержится в «Аккалабет»: когда Верные отплывали с Нуменора, в числе прочих сокровищ, вывозимых с острова, упомянуты «скрижали знания, записанные алыми и черными буквами» (*scrolls of lore written in scarlet and black*) [5].

Также мы помним о наличии в Гондоре обширной библиотеки. Кроме этого, Фарамир упоминает, что в Гондоре во времена его угасания была в почете геральдика («*Childless lords sat in aged halls musing on heraldry*») [2].

Три данных факта позволяют выстроить предположение, что книги и свитки были в Гондоре в особом почете – и вполне возможно, что искусство живописи в Гондоре развивалось по прикладному пути украшения книг и гербов, поскольку в свитках, вывозимых с Нуменора, уже присутствовали цветные чернила. При этом мы не встречаем портретов погибших королей – исторические личности запечатлеваются в камне, о чем более подробно рассказывает следующий раздел.

3. Скульптура

Примеров гондорских скульптур в текстах у нас достаточно много – эта часть в некоторых аспектах неразрывно связана с архитектурой, поскольку некоторые скульптуры и барельефы вписывались в обстановки залов. Из-за этого два последующих раздела могут частично перекликаться.

Первый же пример – и очень яркий! – ранней гондорской скульптуры мы видим еще в описании государства в изданном «Сильмариллионе», а именно Осгилиатский мост.

Главным городом Южного Королевства стал Осгилиат; через центр его протекала Великая Река: там нуменорцы возвели огромный мост, на котором красовались башни и каменные строения, изумляющие взор.

[The chief city of this southern realm was Osgiliath, through the midst of which the Great River flowed; and the Númenóreans built there a great bridge, upon which there were towers and houses of stone wonderful to behold.] [5]

Я думаю, с учетом того, что Минас-Тирит выстроен из белого камня, а Осгилиат долгое время был столицей, расположенной неподалеку, наиболее вероятно, что этот мост тоже строился из белого камня, поскольку его было много – а черный камень, из которого строили Ортханк и внешнюю стену Минас-Тирита, не смогли бы разрушить.

В поисках параллелей в нашей реальности «как это выглядело» неизбежно начинаешь обращаться к существующим образцам архитектуры, и я не был исключением. Поначалу я задумался о римских мостах – и отринул их, потому что Тибр достаточно узок, и на мостах нет упомянутых в тексте башен. Поэтому, на мой взгляд, источником вдохновения, как могла бы выглядеть эта конструкция, вполне в состоянии служить Карлов мост в Праге.

В качестве другого образца монументальной скульптуры стоит вспомнить столпы Аргонат со всем их грозным величием и огромными размерами:

Огромные, как башни, колонны [...] действительно извели резец и кирку. Здесь поработали искусные руки могучего древнего ваятеля-каменотеса, и [...] ушедшие в забвение годы не стерли сходства с прообразом. На исполинских постаментах, погруженных в глубокие воды, высились два каменных короля-гиганта. Выщербленные брови королей все еще были сурово сдвинуты, искрошившиеся глазницы хмуро взирали на стремнину. Левые руки изваяний протянулись ладонью наружу в жесте запрета или предупреждения; в правых еще можно было различить боевые топоры, на головах – треснувшие шлемы, а поверх них – короны. Непокоебимое величие и торжественная сила заключены были в безмолвных великанах, стоявших на страже давно исчезнувшего королевства. [... the great pillars rose like towers... [...] ...they were indeed shaped and fashioned: the craft and power of old had wrought upon them, and still they preserved through the suns and rains of forgotten years the mighty likenesses in which they had been hewn. Upon great pedestals founded in the deep waters stood two great kings of stone: still with blurred eyes and crannied brows they frowned upon the North. The left hand of each was raised palm outwards in gesture of warning; in each right hand there was an axe; upon each head there was a crumbling helm and crown. Great power and majesty they still wore, the silent wardens of a long-vanished kingdom.] [2]

Стоит отметить, что скульптуры в тронном зале Денетора производят на Пиппина не меньшее впечатление: «Пиппину вспомнились искусно обтесанные скалы Аргоната, и, разглядывая каменные лики давно умерших королей, он исполнился благоговения» (*Suddenly Pippin was reminded of the hewn rocks of Argonath, and awe fell on him, as he looked down that avenue of kings long dead*) [2].

Также стоит вспомнить пострадавшую от рук орков, но все еще служащую примером скульптурного искусства, статую на перекрестке дорог, которую находят Фродо и Сэм. И вновь, точно так же, как Пиппин, они вспоминают статуи Аргоната.

Луч на миг осветил водруженную в центре Перепутья огромную сидящую фигуру, спокойную и торжественную. При виде ее Фродо невольно вспомнились Аргонат и каменные изваяния древних королей. Памятник изгрызло время, изувечили руки вандалов. [...]

Последний луч успел выхватить из мглы голову каменного короля, откатившуюся к обочине.

– Смотри, Сэм! – крикнул Фродо, от удивления позабыв об осторожности. – Смотри! Король опять обрел корону!

Пустые глазницы зияли, резная каменная борода наполовину искрошилась, но высокое суровое чело короля по-прежнему охватывала серебряная с золотом

корона: его оплели, словно в знак почтения к падшему королю, мелкие белые звездочки неизвестных цветов, а в каменных кудрях желтели яркие чашечки очитка.

[The brief glow fell upon a huge sitting figure, still and solemn as the great stone kings of Argonath. The years had gnawed it, and violent hands had maimed it. [...]

Suddenly, caught by the level beams, Frodo saw the old king's head: it was lying rolled away by the roadside. 'Look, Sam!' he cried, startled into speech. 'Look! The king has got a crown again!'

The eyes were hollow and the carven beard was broken, but about the high stern forehead there was a coronal of silver and gold. A trailing plant with flowers like small white stars had bound itself across the brows as if in reverence for the fallen king, and in the crevices of his stony hair yellow stonecrop gleamed.] [2]

Также стоит вспомнить белый столп, воздвигнутый Ар-Фаразоном в Умбаре. Разумеется, он не относится к гондорским произведениям искусства, но на удивление точно соблюдает цветовую и лаконичную эстетику этого государства.

На высоком холме, прямо над Гаванью, был установлен памятник в честь этого события – высокая белая колонна. Она была увенчана хрустальным шаром, отражавшим лунные и солнечные лучи и сверкавшим, словно ярчайшая звезда, так что в ясную погоду его блеск можно было разглядеть даже с берегов Гондора или из-за дальних просторов западного моря.

[...and on the highest hill of the headland above the Haven they had set a great white pillar as a monument. It was crowned with a globe of crystal that took the rays of the Sun and of the Moon and shone like a bright star that could be seen in clear weather even on the coasts of Gondor or far out upon the western sea.] [2]

Подводя итог всему вышенайденному, можно сделать вывод, что искусство Гондора в области скульптуры представляется тесно связанным с некой исторической и памятной нагрузкой – я не смог найти описание, когда скульптура создана как простой объект любования ради самого любования, и это закономерно. Люди этого государства несут в себе память о судьбе павшего Нуменора и находятся на границе с Мордором, что не могло сказаться на восприятии прекрасного. В условиях, которые требуют быть начеку и хранить память, каждое упомянутое во «Властелине Колец» произведение искусства выглядит скорее способом рассказать об истории и сохранить эту память, создав нечто, способное пережить мастера на века, нежели окружить себя роскошью. Кроме того, это может быть и следствием нежелания повторить судьбу Нуменора, где многих привела к падению именно любовь к роскоши, и максимально отдалиться от него.

4. Архитектура

Начиная разговор об архитектуре, я считаю, следует структурировать информацию по наиболее выдающимся строениям, которые относились к этому государству.

И. Минас-Тирит

Наиболее хорошо освещенным городом, пожалуй, был и остается Минас-Тирит. Я думаю, информация о нем настолько обширна, что привести в нее что-то новое вряд ли удастся.

В первую очередь хотелось бы отметить, что изначальное назначение Минас-Тирита не было городским – столицей был Осгилиат, а Минас-Анор вместе с Минас-Итилем выполняли функцию крепостей, что накладывало определенные последствия на их планировку.

При прибытии в город Гэндальфа и Пиппина мы видим первое упоминание о железных воротах Гондора, но при этом в данном отрывке и последующих нет информации о том, были ли они украшены каким-то образом.

Так на восходе солнца Гэндальф и Перегрин подъехали к Большим Воротам Гондора, и железные створки распахнулись перед ними.

[So Gandalf and Peregrin rode to the Great Gate of the Men of Gondor at the rising of the sun, and its iron doors rolled back before them.] [2]

Также можно отметить, что мастера – точно так же, как в случае со столпами Аргонат – крайне умело использовали в свою пользу природный рельеф и, точно так же, как и в случае со скульптурой, эстетика очень жестко подчинена практическому смыслу: с укреплений наверху просматривается весь город до его подножия, и при прорыве врага за ворота это давало возможность оборонять город до последнего, поскольку ворота располагались по спирали, а командиры могли видеть, как на карте, какова ситуация на поле боя. Высота скалы при этом составляет около 210–215 метров, если использовать современные меры длины.

Древние мастера с великим искусством и трудолюбием довершили то, что было создано природой. Скала прорезала город насквозь, напоминая форштевень гигантского корабля, и венчалась зубчатой стеной, с которой те, кто находился в Цитадели, могли, как матросы с вознесенного на гору корабля, озирать дальние подступы к Башне и с высоты семисот локтей наблюдать за тем, что делается у Ворот.

[For partly in the primeval shaping of the hill, partly by the mighty craft and labour of old, there stood up from the rear of the wide court behind the Gate a towering bastion of stone, its edge sharp as a ship-keel facing east. Up it rose, even to the level of the topmost circle, and there was crowned by a battlement; so that those in the Citadel might, like mariners in a mountainous ship, look from its peak sheer down upon the Gate seven hundred feet below.] [2]

Минас Тирит располагался на семи выдолбленных в скале ярусах. Каждый из ярусов был окружен стеной, и в каждой стене были ворота, обращенные на разные стороны света. Большие Ворота Городской Стены смотрели на восток, ворота второго яруса – на юго-восток, третьего – на северо-восток, четвертого – опять на юго-восток и так до самого верха. Мощная дорога, поднимавшаяся к Цитадели,

шла зигзагами, поворачивая то в одну, то в другую сторону.

[For the fashion of Minas Tirith was such that it was built on seven levels, each delved into the hill, and about each was set a wall, and in each wall was a gate. But the gates were not set in a line: the Great Gate in the City Wall was at the east point of the circuit, but the next faced half south, and the third half north, and so to and fro upwards; so that the paved way that climbed towards the Citadel turned first this way and then that across the face of the hill.] [2]

И последней интересной деталью является то, что когда Фродо надевает кольцо на Амон-Хен, он видит, что флаги на стенах Минас-Тирита – яркие и цветные.

Далекой и прекрасной показалась ему легендарная крепость: белостенная, многобашенная, гордая и величественная на своем горном престоле. Укрепления ее сверкали сталью, на шпилях развевались яркие флаги.

[Far away it seemed. And beautiful: white-walled, many-towered, proud and fair upon its mountain-seat; its battlements glittered with steel, and its turrets were bright with many banners.] [2]

Но при этом, когда в город въезжает Пиппин вместе с Гэндальфом – мы видим, что на деле флаги, которыми украшен город – белые.

Над укреплениями развевались на утреннем ветру белые знамена, и Пиппин услышал дальний чистый звон – словно где-то высоко и ясно протрубили серебряные трубы.

[and white banners broke and fluttered from the battlements in the morning breeze' and high and far he heard a clear ringing as of silver trumpets.] [2]

Туман, скрывавший равнину, рассеялся, и последние его обрывки плыли прочь, гонимые восточным ветром, который хлопал полотнищами стягов и развевал на Цитадели белые вымпелы.

[The sun was now climbing, and the mists in the vale below had been drawn up. The last of them were floating away, just overhead, as wisps of white cloud borne on the stiffening breeze from the East, that was now flapping and tugging the flags and white standards of the citadel.] [2]

Отдельного внимания заслуживает сам камень крепости: читая описание Минас-Тирита, отчасти можно понять, почему раньше ему дали название Минас-Анор, «Крепость солнца» – ведь белый камень крепости повсюду отражает солнечные лучи, заставляя светиться город целиком:

Пока Пиппин дивился увиденному, стены города из тускло-серых превратились в белые и слегка зарозовели в лучах утренней зари. Из теней на востоке внезапно

сверкнуло солнце, и луч упал прямо на крепостные стены.

[Even as Pippin gazed in wonder the walls passed from looming grey to white, blushing faintly in the dawn; and suddenly the sun climbed over the eastern shadow and sent forth a shaft that smote the face of the City.] [2]

Также мастера все еще не забывали о «черно-белой эстетике» – поскольку внешняя стена Минас-Тирита черная, и построена из того же камня, что и Ортханк.

Внешняя стена города была очень высока и широка – ее построили еще до того, как нуменорцы-изгнанники утратили прежние искусство и силу. Наружная поверхность стены, твердая, темная, гладкая, вытесанная из того же камня, что и башня Орфанк, неподвластна была ни стали, ни огню; разрушить ее могло бы разве что землетрясение, достаточно сильное, чтобы повредить глубоко врытый в землю фундамент крепости...

[At first men laughed and did not greatly fear such devices. For the main wall of the City was of great height and marvellous thickness, built ere the power and craft of Númenor waned in exile; and its outward face was like to the Tower of Orthanc, hard and dark and smooth, unconquerable by steel or fire, unbreakable except by some convulsion that would rend the very earth on which it stood.] [2]

Отдельного внимания заслуживает башня Эктелиона, которая чем-то напоминает монумент, воздвигнутый Ар-Фаразоном – мы точно так же встречаем белый камень и искристую вершину – пусть и без хрустала. Несмотря на то, что в русском переводе использованы слова «заискрился хрусталем», обращаясь к оригиналу, мы видим, что это всего лишь сравнение – *«pinnacle glittered as if it were wrought of crystals»* [2].

Хоббит чуть не вскрикнул: прекрасная и высокая башня Эктелиона, высоко вознесшаяся над верхней стеной города, блеснула в небе, как стройная серебряная игла в жемчугах, а шпиль заискрился хрусталем.

[Then Pippin cried aloud, for the Tower of Ethelion, standing high within the topmost walls' shone out against the sky, glimmering like a spike of pearl and silver, tall and fair and shapely, and its pinnacle glittered as if it were wrought of crystals.] [2]

...высокая и прекрасная, высотой в пятьдесят сажень от основания до кончика шпиля, на тысячу локтей вздымала она знамя Наместников.

tall and shapely, fifty fathoms from its base to the pinnacle, where the banner of the Stewards floated a thousand feet above the plain».[2]

Зал Наместника и Короля полностью соблюдает максимально лаконичную традицию и черно-белую гамму – он не украшен ничем, кроме мрамора и резьбы.

Через высокие окна, пробитые в стенах нефов, проникал свет. Черные цельномраморные колонны заканчивались огромными капителями–кронами, из листьев которых выглядывали причудливые каменные звери; высокие своды тускло поблескивали золотом и пестрели узорами.

Но в этом длинном торжественном зале не было ни драпировок, ни ковров, да и вообще ничего тканого или деревянного; только между колонн молчаливыми рядами высились изваяния из холодного камня.

Пиппину вспомнились искусно обтесанные скалы Аргоната, и, разглядывая каменные лики давно умерших королей, он исполнился благоговения. В глубине зала, на ступенчатом возвышении, под мраморным балдахином, представлявшим собой шлем с короной, стоял высокий трон, а за ним мерцало драгоценными камнями резное изображение цветущего дерева.

[Pippin looked into a great hall. It was lit by deep windows in the wide aisles at either side, beyond the rows of tall pillars that upheld the roof. Monoliths of black marble, they rose to great capitals carved in many strange figures of beasts and leaves; and far above in shadow the wide vaulting gleamed with dull gold, inset with flowing traceries of many colours. No hangings nor storied webs, nor any things of woven stuff or of wood, were to be seen in that long solemn hall; but between the pillars there stood a silent company of tall images graven in cold stone.

Suddenly Pippin was reminded of the hewn rocks of Argonath, and awe fell on him, as he looked down that avenue of kings long dead. At the far end upon a dais of many steps was set a high throne under a canopy of marble shaped like a crowned helm; behind it was carved upon the wall and set with gems an image of a tree in flower.] [2]

Но потолок и трон в этом зале – пожалуй, единственное место, где мы встречаем в Гондоре описание работы с камнем, когда красота создавалась ради красоты (а кроме того, на потолке использованы яркие цвета и золото). Это объяснимо, поскольку башня строилась позже, чем создавался город – в 1900 году, через год после битвы при Дагорладе: «Калимехтар, сын Нармакила II, при поддержке восставших рованионцев отомстил за отца, одержав крупную победу над восточными племенами в битве у Дагорлада в 1899 г.» [2]

Очевидно, что Гондор в этот момент уже приходил в упадок по сравнению с первоначальным состоянием (в 1856 г. Гондор теряет свои восточные провинции [2]), Осгилиат практически разрушен еще в 1640 г.

Вероятно, строительство башни могло быть символическим жестом, и отчасти пышность убранства по сравнению с лаконичностью прочих элементов города можно объяснить именно этим.

Однако все вышеперечисленное относилось к «высокой» архитектуре – дворцам, башням и планировке целого города. То, что касается архитектуры более будничного типа, не менее интересно.

Во-первых, мы встречаем, что старые дома обычно имеют арочные ворота, украшением которых служат буквенные обозначения, содержащие информацию о хозяевах:

По дороге Пиппин с Гэндальфом миновали много больших, но нежилых домов и дворов; над воротами и дверьми их вились древние буквы, причудливые и красивые. Пиппин догадывался, что эти письма говорят о высокородных хозяевах, когда-то здесь живших, и провозглашают девизы древних родов.

[In every street they passed some great house or court over whose doors and arched gates were carved many fair letters of strange and ancient shapes: names Pippin guessed of great men and kindreds that had once dwelt there.] [2]

Еще более интересное описание нам встречается, когда речь идет о «Старом гостевом доме» (в переводе – «Старая Корчма») на Улице Фонарщиков. Мы видим каменное здание с двумя крыльями, между которыми расположен маленький и узкий газон, ведущий к отдельному строению с множеством окон и колоннами по всей внешней стороне:

Отсюда было уже нетрудно отыскать Старую Корчму – большое строение из серого, источенного ветром камня. Два крыла дома, слегка изогнутые, дугами охватывали узкую полосу газона, а в глубине темнели окна самой Корчмы, здания с колоннадой по всему фасаду. От колонн к траве вели ступени...

[In it he found the Old Guesthouse, a large building of grey weathered stone with two wings running back from the street, and between them a narrow greensward, behind which was the many-windowed house, fronted along its whole width by a pillared porch and a flight of steps down on to the grass.] [2]

II. Усыпальницы Минас-Тирита

С моей точки зрения, отдельного внимания также заслуживает отдельный город в городе, а именно – кладбище Минас-Тирита. Усыпальницы отделены от города узким проходом, похожим на мост, и описываются как отдельный «Город мертвых», в котором есть свои улицы и здания, – упоминается Рат Динен, «Улица Молчания» [2] – так и украшения склепов: «дрожащий луч фонаря по очереди выхватывал из мрака столбики балюстрады по сторонам мостовой» [2], а также их «белеющие во тьме купола» [2].

Может, кому-нибудь из них и пришла бы в голову мысль обойти Город с тыла и, взобравшись по склону Миндоллуина, который у подножия был более пологим, подняться к узкой перемышке, соединявшей Сторожевую Скалу с Белой Горой. Но перемышка эта проходила на высоте пятого яруса и была перегорожена большими валами, обрывающимися в пропасть. На узком пространстве между валами темнели склепы и круглились купола усыпальниц, где покоились короли и властители прошлого, – то был особый, вечно молчаливый город между Башней и горой.

[A strong citadel it was indeed, and not to be taken by a host of enemies, if there were any within that could hold weapons; unless some foe could come behind and scale the lower skirts of Mindolluin, and so come upon the narrow shoulder that joined the

Hill of Guard to the mountain mass. But that shoulder, which rose to the height of the fifth wall, was hedged with great ramparts right up to the precipice that overhung its western end; and in that space stood the houses and domed tombs of bygone kings and lords, for ever silent between the mountain and the tower.] [2]

Также Фарамир упоминает, что «могилы королей были пышнее, чем дома живущих» (*Kings made tombs more splendid than houses of the living*) [2].

Все это, если обращаться к существующим в нашем мире примерам, весьма напоминает некоторые старые европейские кладбища – к примеру, одно из кладбищ Милана, Чимитеро Монументале, где действительно можно встретить легкие отголоски всего, описанного в тексте – и улицы с «домами мертвых», и черно-белую церковь.

III. Минас-Итиль

Большинство информации об облике этого города-башни мы можем получить, лишь позволив себе «реконструкцию от обратного» – то есть, по подробному описанию моргульской долины. В этом случае мы принимаем за аксиому, что это – плод искажения, происходящего от Мелькора, который в некий момент «ничего уже не мог он создать, кроме как в насмешку над замыслами других, а мог лишь уничтожать творения собратьев» (*he could make nothing save in mockery of the thought of others, and all their works he destroyed if he could* [5]).

Приняв это, мы получаем следующую картину.

Во-первых, рядом с Минас-Итиль протекала река, берега которой покрывали благоухающие цветы, и к крепости вел изящный мост. Минас-Моргул демонстрирует нам филигранное отражение этой картины.

Ближе к мосту дорога начала тускло светиться, перебегала через поток и устремлялась к чернеющим, как разинутая пасть, воротам крепости. По берегам потока раскинулись широкие луговины, погруженные во мглу и сплошь поросшие бледными светящимися цветами – дивно прекрасными и в то же время отталкивающими, настоящими порождениями кошмара. От них исходил слабый, но до тошноты явственный запах падали. Воздух был напоен тленом. От луговины к луговине изгибом перекинулся мост.

[Here the road, gleaming faintly, passed over the stream in the midst of the valley, and went on, winding deviously up towards the city's gate: a black mouth opening in

the outer circle of the northward walls. Wide flats lay on either bank, shadowy meads filled with pale white flowers. Luminous these were too, beautiful and yet horrible of shape, like the demented forms in an uneasy dream; and they gave forth a faint sickening charnel-smell; an odour of rotteness filled the air. From mead to mead the bridge sprang.] [2]

Также мы встречаем интересную деталь (по все тому же «зеркальному принципу»). Если Минас-Тирит отражал белыми стенами любой солнечный свет, как будто вбирая их – Минас-Итиль рождал лунный отблеск среди цветущих лугов.

Все вокруг, и небо, и землю, поглотила глухая тьма – однако крепость светилась. Но не лунным светом, плененным некогда в мраморных стенах Минас Итиля – Лунной Башни, прекрасной лампы, возжженной гондорцами в сумраке этих гор. Нет; это был другой свет.

[All was dark about it, earth and sky, but it was lit with light. Not the imprisoned moonlight welling through the marble walls of Minas Ithil long ago, Tower of the Moon, fair and radiant in the hollow of the hills.] [2]

Также интересной деталью мне представляется движущаяся вершина башни, которую заметили Сэм и Фродо.

Стены крепости и саму башню испещряло множество окон, но все эти бесчисленные дыры глядели, казалось, не наружу, а внутрь, в черную пустоту. Вершина башни медленно вращалась – сперва в одну, потом в другую сторону, словно голова чудовищного призрака с ощеренной пастью.

[In the walls and tower windows showed, like countless black holes looking inward into emptiness; but the topmost course of the tower revolved slowly, first one way and then another, a huge ghostly head leering into the night.] [2]

Если принять за гипотезу, что ни Саурон, ни Ангмарский Король-Чародей не производили радикальных перестроек, мы вполне можем получить картину, что до захвата Минас-Итиль венчал огромный флюгер, поворачивающийся вслед за ветром. Вероятно, как было отмечено уже на ВесКоне, это могла быть обсерватория. Я думаю, превратить подобное сооружение в «следающее чудовище» с помощью чародейства было весьма несложно.

IV. Ортханк

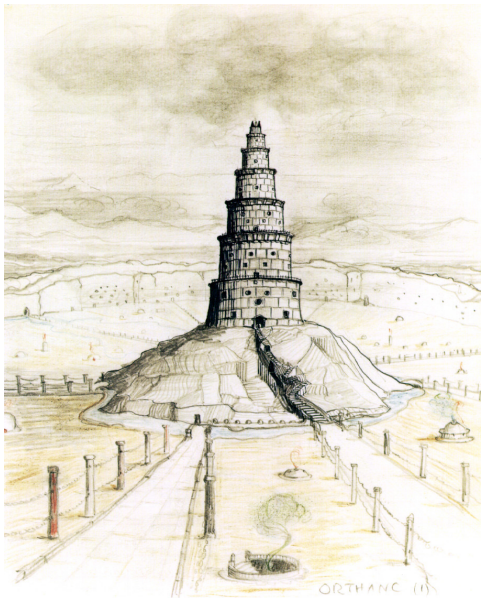
Уникальность Ортханка, в первую очередь, состоит в том, что это единственное строение, сделанное полностью из черного камня. Возвращаясь к мысли, что гондорцы, очевидно, всегда старались найти баланс между естественными явлениями и строительством, уделяя большое внимание гармоничности постройки – черный цвет перестает вызывать удивление, если рассматривать эту башню как обрамление для Палантира, который должен был храниться в ней.

Кроме того, это единственное строение, обладающее достаточно «хищным» внешним видом.

Башня была совершенно черной и чуть поблескивала, словно камень после дождя. Ребра ее казались острыми, словно их нарочно оттачивали. Несколько царапин да кучка осыпавшихся чешуек у подножия – вот и все, к чему привели усилия разгневанных энтов.

[It was black, and the rock gleamed as if it were wet. The many faces of the stone had sharp edges as though they had been newly chiselled. A few scorings and small flake-like splinters near the base were all the marks that it bore of the fury of the Ents.] [2]

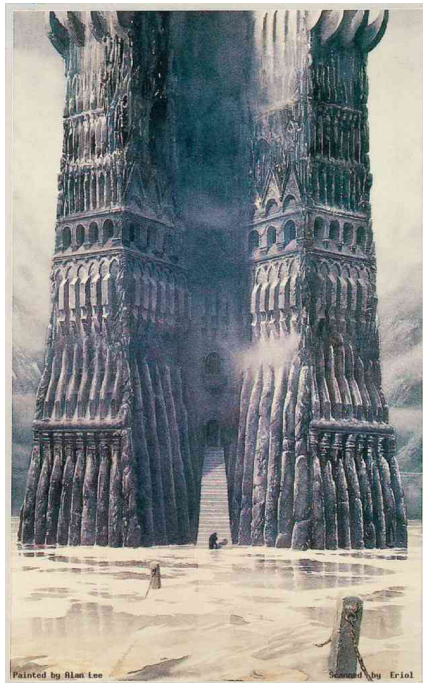
Также интересно, что концепты наиболее известных художников (Тед Несмит, Алан Ли, Джон Хоу) могут быть вполне «правомерными», в крайнем случае – не лишены логики. В тексте книги действительно упоминается наличие контрфорсов под балконом – но при этом, если взглянуть на рисунки самого Толкина, ни в одной версии мы не видим контрфорсов как таковых, пусть они в наличии в тексте.

Рисунки Толкина

Тед Несмит

Алан Ли

Джон Хоу

Справа, между контрфорсами, обнаружилась большая дверь; над дверью нависал балкон с железной решеткой, а за ним хмурились запертые ставни. К порогу вело двадцать семь широких ступеней, вырубленных каким-то неведомым способом в том же черном камне, из которого была сделана сама Башня. Другого доступа в нее не было, если не считать окон, высоких и узких, спрятанных в глубоких нишах. Даже рога Башни были испещрены окнами, напоминавшими маленькие зоркие глазки.

[On the eastern side, in the angle of two piers, there was a great door, high above the ground; and over it was a shuttered window, opening upon a balcony hedged with iron bars. Up to the threshold of the door there mounted a flight of twenty-seven broad stairs, hewn by some unknown art of the same black stone. This was the only entrance to the tower; but many tall windows were cut with deep embrasures in the climbing walls: far up they peered like little eyes in the sheer faces of the horns.] [2]

5. Музыка

Ситуация с музыкой в Гондоре достаточно неоднозначна. Музыкальные инструменты практически не упоминаются до момента коронации Арагорна.

Когда в Минас-Тирит входят войска подкрепления, за которыми наблюдал Пиппин, их не встречает даже звука труб. Лишь впоследствии – как знак веселья – он слышит звон колоколов и песни, но музыки при этом не упоминается.

Когда они добрались до Улицы Фонарщиков, со всех башен уже доносился

торжественный перезвон колоколов. В окнах зажегся свет; из домов и казарм, размещенных вдоль стен, слышалось пение.

[...and as they reached the Lampwrights' Street all the bells in the towers tolled solemnly. Lights sprang in many windows, and from the houses and wards of the men at arms along the walls there came the sound of song.] [2]

Кроме того, даже Дэнетор, объявляя Пиппину его обязанности оруженосца, не спрашивает, владеет ли тот хоть одним музыкальным инструментом – Наместник спрашивает, умеет ли он петь.

Станешь мне прислуживать, исполнять мелкие поручения – и, если война и военные советы оставят мне хоть сколько-нибудь досуга, развлекать меня беседой.

Ты умеешь петь?

You shall wait on me, bear errands, and talk to me, if war and council leave me any leisure. Can you sing? [2]

Судя по всему, колокольный звон в этот период во многом заменял городскую музыку – особенно в торжественные моменты, поскольку после уничтожения Кольца и перед коронацией Арагорна также есть упоминание о радостном колокольном звоне.

В городе разом зазвонили все колокола, поднялись, плеща на ветру, все знамена, и над Белой Башней Цитадели в последний раз взвился стяг Наместников – серебряный, как снег на солнце, без знаков и гербов.

[And when the sun rose in the clear morning above the mountains in the East, upon which shadows lay no more, then all the bells rang, and all the banners broke and flowed in the wind; and upon the White Tower of the citadel the standard of the Stewards, bright argent like snow in the sun, bearing no charge nor device, was raised over Gondor for the last time.] [2]

Радость от победы над кораблями Умбара также встречена колоколами и – кроме этого – трубами.

Над городскими стенами взвился клич фанфар, и на Башне разом зазвонили все колокола.

...the joy and wonder of the City was a music of trumpets and a ringing of bells... [2]

Даже радость от победы над Сауроном люди выражают песней, когда эту весть приносит орел.

Первый раз мы встречаем настоящего музыканта, когда Арагорн встречает Фродо и Сэма уже после победы над Сауроном. Это менестрель, попросивший разрешения петь (*minstrel of Gondor stood forth, and knelt, and begged leave to sing*) [2] – но мы вновь не видим упоминания музыкального инструмента. Мы слышим упоминание о голосе – а также о том, что песня (или песенный рассказ?) передается на разных языках.

И он расплакался, и все плакали вместе с ним – но взвился к небу серебряный и золотой голос менестреля, и стихли разом и плач, и ликование. Песня лилась над полем то по-эльфийски, то на языках Запада, и сердца слушавших, уязвленные

сладостью слов, переполнились и излились радостью, острой, словно лезвия мечей, а мысли унеслись туда, где боль и радость сливаются воедино, а слезы претворяются в благословенное вино счастья.

[And all the host laughed and wept, and in the midst of their merriment and tears the clear voice of the minstrel rose like silver and gold, and all men were hushed. And he sang to them, now in the Elven-tongue, now in the speech of the West, until their hearts, wounded with sweet words, overflowed, and their joy was like swords, and they passed in thought out to regions where pain and delight flow together and tears are the very wine of blessedness.] [2]

Все это, особенно в сочетании со словами, которыми менестрель начинает свою песню, вызывает больше ассоциаций со скальдами или другими певцами тех времен, целью которых была не столько эстетика музыки, сколько передача событий.

Слушайте, вы, о доблестные владыки и рыцари без страха и упрека! Слушайте, короли и князья, воины и благородные мужи гондорские, и всадники Рохана, и сыны Элронда, и дунаданы, пришельцы с Севера! Слушайте, эльф, гном и вы, бесстрашные жители Засельские! Слушайте меня, все свободные народы Запада, слушайте мою песню, ибо я спою вам о Фродо Девятипалом и о Кольце Судьбы! [Lo! lords and knights and men of valour unashamed, kings and princes, and fair people of Gondor, and Riders of Rohan, and ye sons of Elrond, and Dúnedain of the North, and Elf and Dwarf, and greathearts of the Shire, and all free folk of the West, now listen to my lay. For I will sing to you of Frodo of the Nine Fingers and the Ring of Doom.] [2]

Таким образом, после данных отрывков складывается впечатление, что, в силу тяжелого и почти осадного положения, в самом Минас-Тирите в то время музыки практически не было.

Если расценивать Гондор как прямого наследника Нуменора, перенявшего также его традиции, будет справедливо обратиться к обычаям Нуменора в данном аспекте. В тексте об Алдарионе и Эрендис можно встретить интересное упоминание о музыкальных традициях Нуменора.

Тишина царила там, и не звучала музыка, словно кто-то умер под этим кровом совсем недавно; ибо в Нуменоре в те времена игра на музыкальных инструментах почиталась мужским занятием, и в детстве Анкалиме слышала лишь, как женщины поют за работой – вне дома, подальше от Белой владычицы Эмерие. [It was hushed and without music, as if one had died there not long since; for in Númenor in those days it was the part of men to play upon instruments, and the music that Ancalimë heard in childhood was the singing of women at work, out of doors, and away from the hearing of the White Lady of Emerië.] [4]

Помимо обозначения гендерной специфики этого занятия, мы также видим в данных строках след и другой традиции – запрет на музыку после чьей-либо гибели в семье.

Во «Властелине Колец» указано, что наиболее талантливые музыканты (каждый в своем деле) жили в определенных провинциях, а именно.

Из Дол Амрота прибыли лучшие гондорские лютнисты. В Городе зазвучали

скрипки, флейты, серебряные рожки. Из долин Лебеннина приехали звонкоголосые певцы...

[...and from Dol Amroth came the harpers that harped most skilfully in all the land; and there were players upon viols and upon flutes and upon horns of silver, and clear-voiced singers from the vales of Lebennin.] [2]

Исходя из этого, в равной степени возможны два варианта:

1. Музыканты вызывались из провинций по особо праздничным поводам, в остальное время люди были привычны к песням, и песни сопровождали жизнь повсюду – в ткачестве ли, или в бою.

К примеру, в Нуменоре также «в каждом доме царила музыка» по максимально торжественному поводу – к примеру, на королевской свадьбе Алдариона и Эрендис (*Aldarion and Erendis were wedded in Armenelos, and in every house there was music, and in all the streets men and women sang* [4]).

Точно так же мы видим, что музыка зазвучала в Минас-Тирите после коронации Арагорна – упомянуты трубы, арфы, виолы, флейты и хор:

Запели все трубы, и Король Элессар приблизился к Воротам. Хьюрин, Хранитель Ключей, отодвинул заграду – и, под звуки арф, скрипок, флейт и чистых, звонких голосов, поющих хвалу, Король вступил на выложенные цветами улицы.

[And in that moment all the trumpets were blown, and the King Elessar went forth and came to the barrier, and Húrin of the Keys thrust it back; and amid the music of harp and of viol and of flute and the singing of clear voices the King passed through the flower-laden streets.] [4]

2. Часть музыкантов когда-то проживала в городе, но вернулась в родные края лишь после окончания осады. Тем не менее, эта версия может вызвать вопросы, поскольку в таком случае Пиппин должен был слышать хоть какие-то музыкальные инструменты.

Список источников

1. Википедия, свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/>
2. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings – The Return of the King. Русский текст приводится по: Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец: [Трилогия] / Пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика. - СПб.: Амфора, 2001.
3. Tolkien J.R.R. The History of Middle-Earth: Volume V – The Lost Road and Other Writings. Русский текст приводится по: Утраченный путь / Пер. с англ. А. Хромовой [Электронный ресурс]. URL: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/utr_put/lostroad.html
4. Tolkien J.R.R. Unfinished Tales: Of Numenor and Middle-Earth / Русский текст приводится по: Неоконченные предания Нуменора и Средиземья / Под ред. К. Р. Толкина. / Пер. с англ. ТТТ, 2017.
5. Толкин Дж.Р.П. Сильмариллион / Пер. С. Лихачевой. М.: АСТ, 2015

